

ВЫ И МЫ

THE WOMEN'S DIALOGUE

ДИАЛОГ ЖЕНЩИН

№10

ОСЕНЬ 1994

**РОССИЯ И ФЕМИНИЗМ:
ПРАЗДНОЕ И НАСУЩНОЕ НА ПУТЯХ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ.**
Круглый стол в Москве. Отклики на статью Анн Снитоу.

КАК САМОУТВЕРДИТЬСЯ ЖЕНЩИНЕ?

Женщины и психология

НОВЫЕ РЕПРОДУКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ.
Краткий обзор достижений медицины.

СЕСТРИНСТВО НА ШИРОТАХ МИРА.

Глобальный женский фонд.

Российское женское движение.

Конференции... конференции...

Наш журнал обязан своим существованием новым электронным технологиям – факсу, компьютерам, настольной издательской системе; многие не мыслят без них свою жизнь, так прочно они вошли в быт. Сегодня даже группы молящихся и воскресные школы при церквях работают с помощью компьютерной связи – великое благо для одиноких людей, инвалидов и стариков, прикованных к дому. Но как бы ни были велики возможности технических новшеств, они не могут заменить оживленной беседы за круглым столом, ее ход определяется не только злободневностью темы, но и взаимным влиянием жестов, выражений лиц, интонаций, удачной репликой.

Именно такой круглый стол был организован по нашей инициативе в Москве для читателей "Вы и Мы". Меня в то время в Москве не было, и думаю, вам не трудно догадаться, какое чувство охватило меня, когда я обнаружила расшифрованную магнитофонную запись этой беседы, присланную в Коннектикут из далекой России. Мы публикуем ее в этом номере, она поможет глубже задуматься о трудностях диалога между женщинами Востока и Запада, о чем Анн Снитоу писала в прошлом номере. Тем, кто не читал ее статьи, наша публикация все равно даст пищу для размышления.

Мне самой этот разговор понравился. Подобные дискуссии сближают участниц, будоражат мысль, генерируют энергию. Порадовали не только единодушие, но и разногласия. Сколько различных мнений было высказано, например, не только о непонимании во время диалогов женщин, принадлежащих разным культурам, но и о различии позиций женщин, принадлежащих даже одной культуре, например, когда феминистки пытаются говорить с женщинами, имеющими установившийся стереотипный взгляд на феминизм! Не слишком ли одиозным стало слово "феминизм", и не лучше ли заменить его чем-то более способствующим сближению? Или еще вопрос – не способствуем ли мы утверждению представления, что существует некая международная элита женщин, которые не боятся прослыть снобами, оторванными от своих компатриотов, от собственной культуры? Одна из участниц высказала предположение, что Россия, перегруженная проблемами, может впасть в национально-культурный изоляционизм и, как не раз бывало в прошлом, заявить Западу: "Вы не понимаете наших проблем. Мы не такие, как вы. У нас другой путь развития". Вообще-то этот вопрос выходит за рамки диалога между женщинами Востока и Запада, но подобные изоляционистские взгляды могут отрицательно сказаться на отношении общества к женщине и на роли женщины в обществе.

Мир полон лидеров, чье лидерство освящено многовековыми традициями, – религиозными, племенными, национальными. Они считают себя единственными интерпретаторами своей культуры, уникальности и зрелости религии и подвергают гонениям инакомыслящих. Крайний случай таких гонений – угроза смертной казни, нависшая над тридцатилетней бангладешской писательницей, которая в своих книгах разоблачает религиозную нетерпимость бангладешских мусульман, факты насилия в отношении индусов и других национальных меньшинств, высказывает смелые взгляды на отношения полов, описывает эротические сцены, оскорбляющие нравственные чувства исламских фундаменталистов. Когда набирался этот номер, пришло сообщение, что Таслима Назрин покинула свою страну, прячась от преследователей.

Участницы круглого стола призвали нас уделять больше внимания опыту женского бытия во всем мире, во всех классах общества, ценить этот опыт, ведь на его основе можно построить прочный фундамент совместных действий, способных решить все важнейшие женские проблемы.

Впрочем, хватит слов – прочтите дискуссию и по возможности примите в ней участие. Ждем ваших писем с комментариями и идеями.

Будучи в Москве, я встретила с женщинами, желавшими побольше узнать о новых открытиях в области репродуктивной медицины, благодаря которым немало женщин, страдавших бесплодием, испытали радость материнства. Мы публикуем в этом номере обзорную статью, знакомящую с некоторыми репродуктивными технологиями, этическими и юридическими проблемами, возникающими в связи с новейшими открытиями в этой области. И обещаем вернуться к этой теме в следующих номерах.

Статьей двух молодых психологов мы открываем новую рубрику: "Женщины и психология".

Хотелось бы отметить, что несколько интересных русских публикаций появились в этом номере благодаря энергичным усилиям Надежды Ажгихиной и Ирины Юрна – двух талантливых журналисток. Приветствуем их как новых членов нашей редколлегии.

Колетт Шульман

Редакторы: Колетт Шульман, Катрина ванден Хувел, Надежда Ажгихина, Ирина Юрна.
Переводчики: Марина Литвинова, Виктор Радунский.
Набор и верстка: Виктор Радунский.

НАША ПОЧТА

Уважаемая редакция журнала "Вы и Мы"!

Уже несколько лет читаем ваш журнал, хотели бы его читать регулярно, но, к сожалению, у нас в Минске, – столице Республики Беларусь, – на него нет подписки.

Коротко – кто мы такие. Мы – единственная в СНГ независимая женская киностудия "Татьяна". Нас волнуют те же проблемы, что и вас. Мы уже сделали два документальных полнометражных фильма "Оранжевые жилеты" и "Пять минут до любви" о судьбах и проблемах женщин и девочек-подростков. Сейчас работаем над третьим фильмом из этого цикла – "Кто вернет Еву в рай". Для осуществления этого проекта получили поддержку от фонда Макартуров. И, конечно, нам бы хотелось иметь как можно больше информации о женщинах мира.

Мы согласны на любые условия, которые вы предложите нам для получения журнала "Вы и Мы". Кроме того, авторы этого фильма собираются побывать в Нью-Йорке, и мы были бы вам признательны, если бы смогли побывать у вас в редакции, воспользоваться вашими консультациями.

С уважением и благодарностью.

Директор студии "Татьяна"
Ирина Письменная
Минск, Республика Беларусь

-----00000000-----

Уважаемая редакция!

Я постоянная читательница вашего журнала и хотела бы остаться ею впредь... Знакомство с участницами Независимых форумов в Дубне, редакторами журнала "Вы и Мы", а также многими интересными женщинами нашего города, привело меня к мысли о создании женского клуба "Femina" на страницах самой массовой городской газеты в Набережных Челнах (население города – 520 тысяч).

Уже почти год, как существует наш клуб при газете "Челнинские Известия", и я, как журналист и "хозяйка" этого клуба, рассказываю в своих статьях о женщинах разнообразных профессий, которые "сделали себя сами". У нас есть также колонка новостей о женщинах: "Со мною вот что

происходит". Недавно провели круглый стол, где говорилось о стереотипах женского поведения, которые существуют в нашем обществе, о том, как нам их изменять и т.д.

Ваш журнал помогает мне находить новые идеи и темы для моих публикаций. Я словно "подзаряжаюсь" от него. Среди статей в тех восьми номерах, что я прочла, вспоминаются многие. Очень сильный был рассказ о Гейл Уорнер, ангеле-борце; интересно было читать репортаж из Америки моей подруги Елены Кобзевой, с которой мы живем в одном городе; очень нужными нахожу материалы на темы "женщина и политика", "женщины и насилие".

Кстати, о политике. Только вчера мы с мужем побывали на избирательном участке. Он голосовал за Собчака, а я, естественно, за политическую партию "Женщины России". Результаты пока неизвестны, вся Россия их ожидает, но, надеюсь, женщины России все же войдут в Государственную Думу и скажут там свое слово.

Марина Огородникова
Набережные Челны,
13 декабря 1993 г.

(Поскольку следующее письмо мы получили в одном конверте с предыдущим, мы полагаем, что его автор – муж Марины Огородниковой. Мы рады приветствовать нашего нового читателя).

Здравствуйтесь!

Уважаемая редакция журнала "Вы и Мы", может быть, вы удивитесь, что обращается к вам мужчина. Случайно попал в руки ваш журнал, где мне показалась интересной и полезной статья "Женщины и насилие" (№8). Этот вопрос мало освещается в прессе, а мне – врачу-психотерапевту – приходится участвовать в разрешении жизненных проблем, возникающих у женщин – жертв насилия.

Рассчитываю, что смогу быть одним из тех, кто оказывает психологическую помощь пострадавшим. Надеюсь на продолжение этой темы на ваших страницах с более подробным описанием работы таких кризисных центров у вас, о чем мог бы рассказать специалист.

С уважением.

А.Огородников

Дорогая редакция!

Впервые увидела ваш журнал, и он меня очень заинтересовал. Раньше я и не думала, что у женщин так много проблем. Мне интересно было читать о судьбах женщин, которые ушли в политику или профессионально занялись женскими проблемами. Как удивительно, что эти женщины выбрали такой путь после глубоких психологических травм.

Очень понравилась статья "Одинокие матери". Я считаю, что имнно такая дружба должна существовать между матерью и дочерью, когда каждая прислушивается к мнению близкого человека.

Интереснейшая статья "Женщины и насилие". Мне эта проблема кажется очень серьезной и трудно разрешимой. Мужчины вынуждают женщин предпринимать действия, которые не заложены в нас природой. Женщина в мире насилия теряет свое

имя, честь, женственность, материнство. Мы вынуждены стремиться быть на равных с мужчинами, походить на них. А зачем все это?

Хороший рассказ Сюзан Гласпелл "Суд ее присяжных" Очень легко читается, и все понятно.

Я думаю, что движение женщин в вашей стране, начавшееся уже давно, наверное, во многом преуспело. И, может, Вам уже стало легче. А в нашей стране это движение только проснулось, и нам, конечно же, очень трудно.

Ваш журнал нам поможет. Ваш опыт, встречи и беседы с вами, конференции.

Не знаю, когда в следующий раз я увижу ваш журнал. Тираж небольшой, найти его очень трудно, а хочется узнать о судьбах ваших женщин: как они живут, как решают свои проблемы...

Надеюсь, мы еще встретимся!

Наталья,

студентка Пед.института

Наши материалы, за исключением помеченных звездочкой, можно перепечатывать. При перепечатке просьба ссылаться на "Вы и Мы".

ЖЕНЩИНЫ И ПСИХОЛОГИЯ

БУДИЛЬНИК ДЛЯ СПЯЩЕЙ КРАСАВИЦЫ

Гроссман Е.Г., Чечельницкая Е.П. - дипломированные психологи, психотерапевты клиники пограничных состояний, Москва

То, что вы прочтаете ниже, написано с надеждой, что вам интересно поразмышлять вместе с нами о проблемах, занимающих и мужчин и женщин, но часто по-разному.

Поводом для этой статьи послужили наши нескончаемые и не теряющие остроты споры о женском предназначении. Нам, конечно, есть и еще о чем поспорить, но посвящая львиную долю своего времени психологическому консультированию, мы так или иначе по несколько раз на дню проживаем самые разные женские горести. Вопрос особый - почему именно женщины гораздо чаще, чем мужчины, обращаются за психологической помощью? Одно из простых объяснений заключается в том, что мужчине значительно труднее обратиться к психологу, поскольку ему труднее признать свою слабость и при-

нять помощь в любой форме. Такое не принято в "мужской культуре".

Мы противопоставили "мужскую" и "женскую" культуру ради того, чтобы показать, что это противопоставление отражает реальные различия мужской и женской психологии и вместе с тем является стереотипом нашего восприятия друг друга, искусственным подчеркиванием различий.

Чтобы вы представили, о чем мы беседуем в психологической консультации, назовем наиболее типичные из тем, тревожащих наших собеседниц: "Разрываюсь между домом и работой, не знаю, что выбрать", "хочу наконец почувствовать себя женщиной", "теряю уверенность в своих возможностях и привлекательности", "сама не понимаю, почему не верю в счастливую семейную жизнь".

Многие из услышанных нами историй так напоминали известные сказочные сюжеты, что мы иногда предлагали нашим собеседницам вспомнить их любимую детскую сказку.

Из психологии развития ребенка известно, что мальчики и девочки формируют свое представление о своем предназначении, читая одни и те же вол-

шебные сказки, в которых описывается Путешествие Героя. С большой буквы потому, что Герой - персонаж самых разных сказок, например, Иванушка-дурачок или Парсифаль - отправляется в путь, борется с быками, драконами и чудовищами, возвращает сокровище или освобождает девицу из темницы. На его пути множество препятствий, ему мешают враги, он проходит через все испытания, встречает помощников, находит волшебные предметы (волшебную палочку, сапоги-скороходы и т.п.). Герой попадает в беду, решает волшебные загадки, освобождается из плена и в конце концов, восторжествовав над всеми препятствиями, получает в награду полцарства и красавицу-принцессу в жены. Конечно, вы вспомните и другие сказки, словно специально созданные для маленьких девочек, самые известные героини которых - Русалочка, Золушка и Дюймовочка. Они терпеливы, трудолюбивы, склонны к самопожертвованию. Сказки с их участием не всегда кончаются благополучно. Если Золушка и Дюймовочка вышли замуж за принца и эльфа, то самопожертвование Русалочки не было вознаграждено счастьем семейной жизни.

Наверное, вы переживали вместе с героинями сказок, страдали Золушке, грустили вместе с Дюймовочкой, восхищались терпением Русалочки. Но согласитесь, что далеко не каждая взрослая женщина захочет страдать и мучиться, даже зная о будущем вознаграждении. Хочется побыстрее выбраться из "мышинной норы", сохранив свой прекрасный голос, и навсегда получить пару хрустальных туфель.

В сказках о Героях женские персонажи всегда на вторых ролях, больше любя и хочется быть похожим на главного героя. И как часто клиентки психологической консультации, выбрав для себя дорогу Героя, устают от тяжести мужских успехов.

Какие еще пути может выбрать девочка? Допустим, для кого-то это жизнь доброй феи, самый

яркий из сказочных образов. Она всемогуща, в мгновение ока изменяет судьбу и... исчезает. Но многие ли из нас ощущают в себе магическую мощь? Даже просто уверенности в себе женщине часто не хватает.

Разберемся с Принцессами. Каждая ли девушка будет дожидаться, пока ее идеальным герой, "мир повидав и себя показав", придет за ней во дворец? Где гарантия, что он не останется в соседнем королевстве с другой принцессой?

Таким образом, выбор невелик: между тяготами мужского пути и тревогой, неопределенностью пассивного ожидания. К нам, во всяком случае, добравшись "активные путешественники", сожаление о том, что с самого начала не остались дома.

В соответствии с подобными рассуждениями получается, что выбор мужского пути равносителен для женщины отказу от мечты быть принцессой, т.е. от женского идеала.

В патриархальной культуре идеал женщины - быть хранительницей очага, рожать и воспитывать детей. О приключениях и выходе из дома и речи не может быть. Понятно, что мы говорим о стереотипе общественного сознания. В реальной жизни активность женщины вроде бы поощряется, приветствуется, а на самом деле ограничивается недоверием к ее возможностям. Этот двойной стандарт переживается многими из наших собеседниц как внутренняя проблема. Женщине кажется, что окружающие радуются ее успехам и одновременно жалеют и, значит, не уважают. За этим стоит вот что:

- неуважение - скорее мужская установка, за которой чаще всего стоит неуверенность мужчины в себе. Мужчина часто выставляет напоказ свое пренебрежение к женщине. Это помогает ему поддерживать свою мужскую самоуверенность.

- жалость - скорее женская установка. За ней "кухонное" отношение привязанных к дому женщин к более свободному образу жизни.

Другим аспектом неудовлетворенности собой может являться чувство вынужденности, т.е. женщина не чувствует, что она сделала этот выбор - быть активной. С психологической точки зрения - это проблема ответственности за свою судьбу и свои поступки. В ходе бесед женщина постепенно осознает, что никто не может принудить ее к тому, чего она сама не хочет. И у нее всегда достаточно сил и внутренней гибкости для того, чтобы выбрать что-то другое.

Стоит поразмыслить и над таким распространенным вариантом: женщина жалуется на одиночество, рассказывает о своих встречах с разными мужчинами и о своем отчаянии, неверии, что встретит своего единственного "принца" (некоторые не отказываются от поисков, но наиболее отчаявшиеся теряют надежду). Она думает, что может обрести счастье только через любовь. Замечательный американский психолог Карен Хорни называет такие переживания "переоценкой любви". Кажется, что жизнь теряет смысл, все в большей степени ощущается пустота, пропадает интерес ко всему. Т.е. женщина просто перестает себя ценить. Некоторые из таких клиенток напоминали нам настоящих Спящих Красавиц, пробудить которых к жизни может только волшебный поцелуй.

Но ведь кроме волшебного поцелуя, проснуться можно от звонка будильника, который заводят вечером, чтобы не опоздать на работу.

Психологически - это проблема конфликта ценностей. Совсем не обязательно противопоставлять любовь работе, считая что-то более важным. Необязательно чувствовать себя несчастной, если любви еще нет.

Проблема самооценки личности одновременно и психологическая и философская. В философском смысле каждый человек ценен уже просто потому, что живет среди нас. В психологическом - чувство самооценки связано с впечатлениями раннего детства, теми оценками, которые мы слышим из уст близких. Негармонично складывающиеся отношения могут повлиять на наше самоуважение. Хочется, чтобы другой человек, полюбив, а значит и оценив тебя, доказал тебе тем самым твою ценность. На наш взгляд, ждатель, что другой компенсирует недостаток нашего самоуважения - малоперспективное занятие. Неужели нет других способов самоутверждения?

Как психологи, мы пришли к предположению, что наши клиентки неудовлетворены тем способом самореализации, который они избрали, т.к. для них он как бы олицетворяет отказ от женственности. Активность, ими выбранная, "загораживает" женское начало.

Давайте вновь обратимся к сказкам. Замечательный образец гармоничного сочетания женственности и активности вы найдете в сказке "Принцесса на горошине".

Путешествуя ночью, в грозу, под проливным дождем, принцесса поступалась в дверь королевского дворца. Она была твердо уверена, что она - настоящая принцесса, хотя

окружающие в этом сомневались. Ей было достаточно крупницы, а точнее горошины уверенности в своей женственности, чтобы окружающие увидели Принцессу в Активной Путешественнице.

Мы хотим сказать: если вы чувствуете себя женщиной, окружающие в любом случае ее в вас увидят. Как вы при этом самовыражаетесь, неважно.

ПОИСКИ СЧАСТЬЯ*

Димфа Угву-Олжу

В субботу вечером позвонила моя лучшая подруга и сказала, что разводится с мужем и что решение ее бесповоротно. Я не верила своим ушам, прожить с мужем шестнадцать лет, родить четверых детей и - на тебе! - развод!

- Что случилось? - была моя первая реакция. Ведь наверняка произошло что-то ужасное, иначе у нее в голосе не звучала бы такая решимость.

- Ничего особенного, - ответила подруга. - Во всяком случае ничего такого, о чем стоило бы говорить.

- Он завел любовницу? - спросила я, хотя ее муж никогда не производил на меня впечатление человека легкомысленного. Но ведь что-то должно было толкнуть ее на такой отчаянный шаг.

- Никого он не завел, - голос подруги звучал на удивление буднично.

- Может, он тебя бьет? - опять спросила я, еще надеясь услышать от нее какую-нибудь причину - женщины так просто не разрушают семью.

- Да нет же! Могу сказать только одно, - подруга взвешивала каждое слово. - Последнее время я чувствую себя такой несчастной.

- Ну так расскажи, что происходит. Тебе будет легче, - пыталась я вызвать ее на откровенность. Сколько, наверное, выльется на меня жалоб - грубый, эгоист, унижать женщину доставляет ему огромное удовольствие. Но она только сказала:

- Я подумала, тебе лучше узнать это от меня самой.

На этом разговор закончился.

Два дня я ждала от нее звонка и, не дождавшись, позвонила сама. Я понимала, надо быть предельно деликатной.

- Ответь только на один вопрос, - начала я. - И я не буду больше ни о чем спрашивать. Может, у тебя у самой с кем-нибудь роман?

Существеннее то, что мы способны сочинить свою собственную сказку, в которой мы действуем так и переживаем то, что делает нас счастливыми. Целеустремленность и самостоятельность столь же окрашены женственностью, сколь и любые другие женские проявления. Мы в этом уверены.

Вообще-то я не собиралась об этом спрашивать - как-то так вырвалось.

- Ты что, с ума сошла? Конечно, нет! - рассмелась подруга, но, почувствовав, в каком я недоумении, обещала позвонить позже, когда уснет муж.

Ожидая ее звонка, я думала о том, какие сюрпризы преподносят иногда друзья. Мы четверо - подруга, я и наши мужья - нигерийцы, как почти все наше окружение. И хотя большую часть жизни мы прожили в Штатах, и в общем так, как живут американцы, мы никогда не отрывались от родной культуры. У женщин народности "ибо" один путь: она родится на свет Божий, если повезет - получит образование, выходит замуж, родит детей (это ее долг, но мальчика родить предпочтительнее) и в конце концов умирает - Господь, упокой ее душу. Женщины моего поколения должны быть замужем и рожать детей, как их бабушки и прабабушки.

Женщина "ибо", даже если достигает профессиональных успехов, не имеет возможности в полной мере стать личностью. Традиционно ее успехи на всех других поприщах, кроме семейного, никогда не бывают предметом гордости семьи и друзей. В гостях, на встречах и приемах, у женщин чаще спрашивали, чья она жена и чья мать, чем имя или профессию. Если незамужняя женщина чего-то достигала в жизни, о ней говорили: "Ну и на что ей это?". В моем народе бытует мнение: женщина без мужа и детей - ничто, пустое место. Я и сама, к своему стыду, как, впрочем,

все другие женщины, способствую его незыблемости. Я многого достигла в своей профессии. Во всяком случае, я знаю в Америке немного мужчин, моих соотечественников, которые достигли большего. И тем не менее, когда у нас праздник - свадьба или родины - мы, женщины, уходим на

кухню, готовим угощение, а потом прислуживаем за столом мужчинам. И всякий раз, когда мужчины начинают подтрунивать над моим мужем - дескать, какая у него замечательная жена - я вспыхиваю от счастья и удовольствия. На праздниках мы поем обрядовые песни: "Отдай молодой жене от кухни ключ", "Что такое женщина без детей", и очень часто запеваю именно я. Эти песни пела моя мать, женщины "ибо" знают их наизусть.

Я храню в памяти все обычаи моего народа. И я знаю, что бывает с теми, кто их нарушает. Мой народ отторгает непокорную женщину. Ее сурово наказывают, подвергают общественному ostrакизму. "Она думает, что умнее всех, - говорят о ней. - Посмотрим, как ей удастся самой выйти замуж".

К удивлению моих американских друзей моя работа и уклад жизни мирно сосуществуют с требованиями традиционной культуры "ибо". На работе я собрана и уверена в себе, как любая американка, рожденная на этой земле. Я громко говорю на собраниях, желая, чтобы голос мой был услышан. Выступая на конференциях в защиту прав женщин Третьего мира, я умею доказательно потребовать вмешательства в политику государств, где женщины лишены всяких прав, где их насильственно подвергают клиторектомии, где все еще убивают младенцев женского пола, чтобы они не отнимали у мужчин места под солнцем. А дома, с той же легкостью, с какой перехожу с родного языка на английский, становлюсь покорной, бессловесной женой. И никогда этих ролей не путаю.

Сотни тысяч женщин Третьего мира и других стран, где процветают традиционные культуры, хорошо знают эту раздвоенность. Нашим поведением руководят порой диаметрально противоположные идеалы и ценности. Американский стереотип поведения требует, чтобы женщина стояла на ногах так же твердо, как мужчина. Наша же национальная культура - устои и верования - велит женщине быть в роли жены и матери, мягкой и уступчивой, будь ты хоть семи пядей во лбу.

И вдруг моя лучшая подруга, так же как и я до мозга костей женщина "ибо", заявляет, что уходит от мужа не из-за нанесенной ей обиды, а просто потому, что чувствует себя несчастной. Я уже слышу, как ее и моя матери удивленно восклицают: "Что это с ней? Чего ей нехватает?". В самом деле, у нее есть все, что может пожелать женщина (разумеется, женщина моего народа): муж из уважаемой на родине семьи, у которого хорошая профессия, дающая большой зара-

боток, у нее не один и не два сына, а три, да еще дочь, красивый просторный дом в пригороде. И вот, пожалуйста - несчастна.

"Кто ей сказал, что женщина должна быть счастлива!" - воскликнет ее мать. Старая, как мир, истина: женское счастье в браке - недолговечно. Женское предназначение начинается с рождением первого ребенка. Хорошо, если родится мальчик. Если девочка, ждут второго ребенка. Если опять девочка - на семейном горизонте появляется первая тучка. Муж, нет-нет, и намекнет, что как бы не пришлось искать новую жену. Умная жена прибегает к всевозможным ухищрениям, чтобы удержать мужа до рождения сына. А у моей подруги три сына - и она несчастна!

- А как же дети? - спросила я и услышала, как она пытается побороть подступившие рыдания.

- Они останутся с мужем, - наконец выговорила она.

Женщина, бросающая мужа, теряет на детей право. Таков обычай моего народа, и американский закон ничего с этим поделать не может. Она уходит из дома мужа, как и пришла, с пустыми руками. Да еще должна вернуть выкуп, заплаченный мужем ее семье, вернуть с процентами. Кроме того, муж вправе потребовать возмещения расходов на ее образование. Моей подруге все это известно - она лишится детей, мужа, за которым жила, как за каменной стеной. Но она готова на все. А ведь как все хорошо складывалось! Родила сына, потом еще двоих на радость мужу и всем нам. А разве не она утешала меня, когда первым ребенком я родила дочку. "Не волнуйся, - говорила она, - второй ребенок обязательно будет сын". И правда - второй был мальчик. И моя подруга радовалась больше меня. Так что же ее толкнуло на такой шаг - проститься с налаженной, обеспеченной жизнью, которую она заслужила?

- Как ты на это решилась? - взорвалась я. - Пожалей себя. Ты просто рехнулась.

- Я хочу найти свое счастье. А я была уверена, уж кто-кто, а ты-то меня поймешь, - холодно сказала подруга и повесила трубку.

Потом я поняла, что с ней происходит. Она ощутила себя настоящей американкой. Для нее теперь существует одна, американская, концепция жизни: человек должен получать от жизни личное удовлетворение. И моя подруга готова платить за это любую цену. Интересно, представляет ли она себе, какое ей предстоит плавание?

ИНДУСТРИЯ МЛАДЕНЦЕВ

"Новые репродуктивные технологии" - холодные, безличные, механические слова, неуместные для самого естественного из всех природных процессов - деторождения: мужчина и женщина занимаются сексом, она беременеет, и девять месяцев спустя у них родится ребенок.

В действительности процесс этот очень сложен: попав во влагалище женщины, сперматозоиды - мужские половые клетки - начинают длинный, полный опасностей путь в чужой для них среде, и то, что в конце концов один из них достигает женской яйцеклетки и сливается с ней, является чудом.

Но многие супружеские пары, многие женщины обделены природой, половой акт у них не завершается беременностью и рождением младенца. Было подсчитано, что в Америке пять миллионов супружеских пар в той или иной степени страдают бесплодием. Другими словами, приблизительно одна из каждых шести пар, находящихся в детородном возрасте, сталкиваются с этой проблемой.

Существует много причин бесплодия - расстройства овуляционного цикла у женщины, анемия сперматозоидов или недостаточное их количество в сперме у мужчин. Еще одна из причин - приближение климакса.

После 35 лет способность к зачатию у женщины начинает резко падать. В США многие женщины в молодости все силы отдают профессиональной карьере, отложив рождение детей на более зрелый возраст. Но оказывается, что зачать ребенка после тридцати пяти, а тем более сорока лет, не всегда удается.

Тут и приходят на помощь новые репродуктивные технологии. И для бездетных супружеских пар открываются неожиданные возможности. Чудо рождения ребенка с помощью медицины становится доступным все большему числу бездетных семей.

В 1978 году в Великобритании появился на свет первый в мире зачатый в пробирке младенец - Луиза Браун. Оплодотворение произошло с помощью новой репродуктивной технологии, называемой "оплодотворение in vitro", так как эмбрион зарождается в стеклянной лабораторной посуде в клинике и затем имплантируется в организм матери.

С тех пор только в США, Канаде и Пуэрто-Рико появилось на свет более двадцати трех тысяч младенцев, зачатых in vitro или с помощью других методов искусственного оплодотворения.

Оплодотворение in vitro рекомендует женщине ее врач, который должен предварительно установить,

(по материалам
американской прессы)

по чьей вине у супружеской пары нет детей. Если анализ показал, что у мужа недостаточно активная сперма (a low sperm count), то обычно прибегают к искусственному оплодотворению. Если оно не дало желаемых результатов, то женщина

может обратиться в центр бесплодия, где практикуют оплодотворение in vitro. Вот как работает один из таких центров в канадском городе Калгари.

Обратившейся в клинику женщине врач или медсестра объясняют, что представляет собой весь процесс оплодотворения in vitro и какому риску женщина подвергается. Затем и муж и жена проходят медицинское обследование, так как необходимо выяснить, не страдают ли они определенными заболеваниями.

После этого женщину начинают готовить к удалению яйцеклеток. За две недели до операции женщине вводят препарат "суперфакт" (superfact), воздействующий на гипофиз, и он перестает выделять гормоны, заведующие овуляцией. Кроме того, за шесть дней до первого посещения центра ее семейный доктор ежедневно делает ей инъекцию препарата "перганол", богатого гормонами. Обычно в женских яичниках в течение одного менструального цикла созревает одна яйцеклетка. Но под действием перганола созревают сразу несколько - от десяти до двенадцати яйцеклеток.

На седьмой день и последующие 4-5 дней женщина посещает центр, где ей делают дополни-

Copyright © 1993 The New York Times Company. Distributed by New York Times Special Features/Syndication Sales.

тельные инъекции перганолоа и берут анализы крови, которые показывают, происходит ли в яичниках созревание половых клеток. Кроме этого, с помощью ультразвука измеряются величина фолликулов, в которых содержатся яйцеклетки.

Когда фолликулы достигают двух с половиной квадратных сантиметров, врачи извлекают из них иглой, направляемой ультразвуком, микроскопических размеров яйцеклетки, которые помещают в специальный раствор в чашку Петри. Туда же добавляется сперма. Затем удаляют неоплодотворенные яйцеклетки. А из оплодотворенных максимум три яйцеклетки не позже чем через 48 часов возвращают в матку. Оставшиеся эмбрионы сохраняют в жидком водорододе.

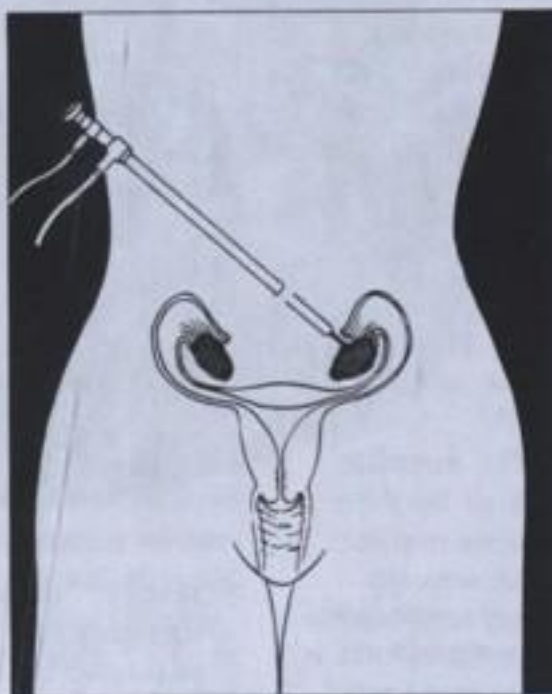
После имплантации женщина час лежит на откидном кресле, чтобы не потревожить внедренных в матку эмбрионов. Если через две недели месячные не начались, женщина идет к своему врачу и обследуется на беременность. Если месячные пришли, женщина повторно обращается в центр.

Оплодотворение *in vitro* - очень дорогая операция, ее оплачивают страховые компании - в одних местах полностью, в других - частично. В Клинике бесплодия в Оттаве (Канада) стоимость первой операции - 4500 долларов, оплачивается она через государственную систему страхования здоровья. Стоимость лекарств 1800 долларов, эти расходы в 90% случаев берут на себя страховые агентства, и только 10% семей платят за лекарства сами.

Неиспользованные эмбрионы обычно замораживают и сохраняют на всякий случай. Если операция оказалась неудачной, их можно разморозить для повторной операции. Стоимость хранения эмбрионов в оттавском центре - 500 долларов первый год, и 100 долларов - все последующие. Эти расходы оплачиваются самими пациентами.

В США стоимость таких операций выше, чем в Канаде, причем пациенты зачастую платят за них - полностью или частично - сами.

В какой степени эти операции успешны? Вот что говорит статистика, представленная крупнейшим Центром репродуктивной медицины Северной Калифорнии, имеющим пять отдельных частных клиник. В одном из прошлых лет была сделана 91 операция оплодотворения *in vitro*, в результате 23 женщины родили 37 младенцев, среди которых были двойни и тройни. На первый взгляд это довольно незначительный успех, однако приведенные цифры точно соответствуют вероятностному прогнозу естественной человеческой селекции. Для среднестатистической семейной пары с нормальной способностью воспроизводства потомства вероятность забеременеть в течение года равна 20%-25%.

Другими словами, если 100 мужчин и 100 женщин живут половой жизнью не предохраняясь год, тобеременеют всего 22-25 женщин.

Статистика калифорнийского Центра выше, чем более объемлющая статистика, которая была опубликована в 1993 году Американским обществом искусственного оплодотворения и Обществом вспомогательных репродуктивных технологий (the American Fertility Society, the Society for Assisted Reproductive Technology). Но даже их статистика показывает, что число детей, рожденных от искусственного зачатия, растет, равно как растет и число успешных операций. Кроме того, более чем десятилетний опыт медицинских учреждений, работающих в этой области, показал, что среди детей, зачатых *in vitro*, число родившихся с каким-либо дефектом не выше, чем среди детей, зачатых естественным путем. При естественном зачатии число детей с врожденными дефектами колеблется от 1% до 3%, при оплодотворении *in vitro* количество таких детей составляет 0,8%-2,1%. И еще интересно отметить: из 17800 детей, зачатых искусственным путем в США, Канаде и Пуэрто-Рико с 1981 года, - 22,4% двойни и тройни, тогда как естественные роды дают всего 2%.

Репродуктивные клиники Канады и США предлагают сейчас различные варианты оплодотворения *in vitro*.

В "пробирочном" зачатии могут участвовать:

- яйцеклетки матери и сперма мужа или партнера,
- яйцеклетки матери и сперма анонимного донора,
- яйцеклетки анонимного донора и сперма мужа или партнера,
- яйцеклетки и сперма анонимных доноров.

Недавно появилось сообщение о новой технологии оплодотворения *in vitro* - более дешевой и легкой для женщины. Вместо дорогостоящего перганолоа, производимого из человеческой мочи, который женщине приходится принимать две-три недели перед удалением яйцеклетки, начали применять синтезированный препарат "кломифен" (clomiphene), таблетка которого стоит 35 долларов, и применяют его всего пять дней. Перганолол воздействует на яички так, что в них одновременно созревают до двадцати яйцеклеток; кломифен стимулирует рост только трех или четырех яйцеклеток, которые можно извлекать амбулаторно, а не в операционной, что экономит еще около тысячи долларов. Хотя кломифеновых яйцеклеток гораздо меньше, но в них, как сообщают, нет никаких дефектов, и они так же хорошо оплодотворяются. С кломифеном на сегодняшний день только одна проблема - не очень много шансов (5-15%) забеременеть с первой

попытки. Врачи рекомендуют некоторым женщинам после имплантации эмбриона гормонотерапию, чтобы стенки матки стали более восприимчивы.

По мере того, как растет общественное признание искусственных методов оплодотворения, и к детям, зачатым *in vitro*, перестают относиться с недоверием, стало все больше появляться банков спермы, которые становятся процветающим бизнесом. Сейчас в США существует около 150 таких банков. Воспользовавшись услугами скорой почтовой доставки (одни сутки) и кредитной карточкой, женщина может теперь безо всяких хлопот купить готовую к употреблению сперму, упакованную в сухой лед.

Один банк постоянно помещает рекламные объявления в газетах Гарвардского университета и Массачусетского технологического института, приглашая доноров на условиях 100 долларов за сеанс. Одна из реклам гласит "Требуется головастая сперма, тупиц просят не беспокоиться".

В недалеком прошлом врачи крепко держали в руках контроль над искусственным оплодотворением, рекомендуя его только тем супружеским парам, которые способны по их понятиям быть хорошими родителями. Одинокие женщины и лесбиянки не смели и мечтать о возможности забеременеть неполовым путем. Но в последние два десятилетия положение стало заметно меняться.

Сначала женщины, подвергавшиеся остракизму, стали добывать сперму через друзей или через друзей своих друзей, и сами дома делать искусственное оплодотворение с помощью банального кухонного прибора - шприца, которым отсасывают сок со дна сковородки и поливают индейку. Отсюда детей, зачатых таким способом, называют "индюшата".

С течением времени банки стали продавать сперму замужним и незамужним женщинам независимо от их сексуальной ориентации или способности к деторождению. С появлением СПИДа банки спермы начинают играть еще более важную роль. Получая сперму из банка, женщина уверена, что донор прошел не одну проверку на СПИД. Применение взятой из банка спермы резко снижает опасность заражения вирусом СПИДа. Поэтому очень желательно, чтобы сперма перед употреблением находилась в замороженном виде, по крайней мере полгода, но некоторые клиники сами нарушают это правило, используют только что полученную сперму.

Появление и быстрое распространение банков спермы порождает самые странные и неожиданные ситуации. Например, приговоренные к смерти узники калифорнийской тюрьмы Сан Квентин стали обращаться к администрации с просьбой, чтобы им разрешили оставить женам и возлюбленным заморо-

женную сперму. Или процесс, когда жена с детьми судилась с любовницей мужа, покончившего с собой и упомянувшего в завещании 15 пробирок замороженной спермы, за обладание этими пробирками.

Сегодня, однако, эта область медицины характеризуется, по словам одного юриста, ужасающим отсутствием каких-либо правил. Донорам многих банков разрешено славить сперму неограниченное число раз, так что мужчина за несколько лет может стать отцом сотни детей, что создает реальную угрозу инцеста. Один калифорнийский врач так часто славил сперму, когда учился на медика в Вашингтоне, что не советовал своим детям искать невест и женихов в этом городе: они могут оказаться единокровными братьями и сестрами.

Еще одна проблема, вызывающая озабоченность: какой информацией должны располагать банки о своих донорах. В одних банках предпочтение отдается физическим характеристикам, в других упор делается на способности и профессиональные

успехи. Но гораздо важнее обязать донора пройти общее медицинское обследование, провериться на инфицирование болезнями, передаваемыми половым путем, и составить генетическую историю семьи. Эти обследования помогут свести к минимуму опасности, которыми чревато внеполовое зачатие для женщины и особенно для ребенка.

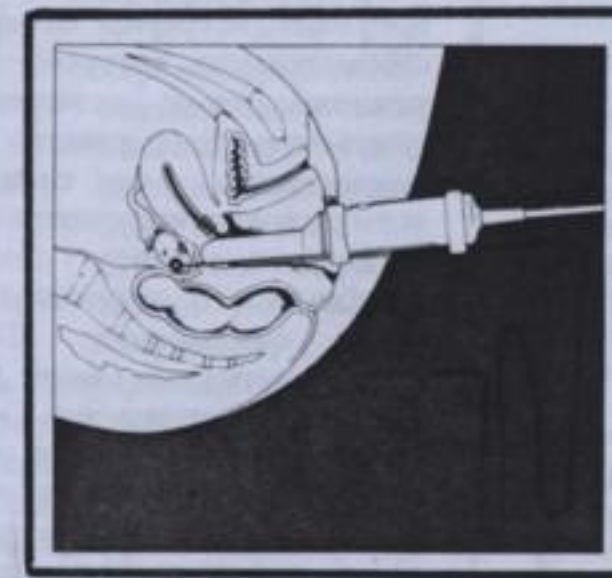
Подобные проблемы возникают в связи с недавно появившимися программами для доноров женских яйцеклеток. К 1990 году в США существовало уже по меньшей мере 67 таких

программ, предназначенных для больниц и частных клиник.

Оплодотворение *in vitro*, в котором участвует яйцеклетка донора, стоит от 12000 долларов до 18000 долларов, из которых от 1000 долларов до 3500 долларов идет женщине-донору.

Для женщин, которые могут платить такие деньги - сами или с помощью страхового полиса - эта операция - дар Божий. У одних не происходит созревания яйцеклеток: либо удалены яичники, либо рано наступил климакс. Другие боятся передать своему потомству наследственную болезнь. Услугами доноров яйцеклеток могут также воспользоваться женщины постарше, у которых начал путаться менструальный цикл. Как показало исследование, такие женщины с имплантированными яйцеклетками, взятыми от донора, беременеют чаще, чем женщины, которым имплантированы собственные, немолодые, яйцеклетки. Вероятность беременности соответственно - 54% и 20%.

В силу этих причин спрос на яйцеклетки уже стал превышать предложение. В отличие от получения спермы - процесс, который требует для большинства мужчин всего-навсего пластмассовую чашку

ОТРЫВКИ ИЗ ОФИЦИАЛЬНОГО ДОКЛАДА

Канадской королевской комиссии, посвященного новым репродуктивным технологиям, которые освещают некоторые этические проблемы, связанные с генной инженерией.

Гуманное общество ценит человека ради самого человека и выше всего ценит его уникальность. Наши моральные принципы говорят: ценность всех людей и каждого в отдельности - одинакова. Генетические улучшения (*enhancement*) могут привести к созданию общества, в котором будут люди, считающиеся неполноценными, поскольку их генетика не подверглась улучшению.

Применение генной инженерии ведет к превращению человека в товар - личность становится вещью, ее можно менять в соответствии с чьим-то понятием совершенства. Это неуважение к жизни и достоинству человека, нетерпимость к многообразию форм человеческой личности чреватые самыми отрицательными последствиями - дискриминацией некоторых категорий людей и развитием в них чувства неполноценности.

Любое использование генной инженерии вызывает тревогу: люди невольно начинают вынашивать дискриминационные теории - какие генетические улучшения могут быть разрешены, кто получит к ним доступ и т.п. С генной терапией таких проблем нет - вмешательство генной терапии имеет место в тех случаях, когда пациент страдает тяжелыми генетическими нарушениями,

и номер журнала "Пентхаус" или "Плейбой", получение яйцеклетки - операция небезразличная для здоровья женщины. Как заметил один врач: "Яичники расположены внутри брюшной полости, и яйцеклетки приходится извлекать при помощи иглы. Это грозит внутренним кровотечением или внесением инфекции, что может повлечь за собой нарушение функции яичников и в дальнейшем бесплодие". Другой врач прибавил: "Эти операции могут причинить вред репродуктивным органам женщины. Я гарантирую, что некоторых доноров в будущем ждет бесплодие".

Еще одна проблема связана с эмоциональной сферой. Одна студентка так ее сформулировала: "Я не могу даже представить себе, чтобы ребенок с моим генетическим кодом затерялся где-то в мире".

Врачи, юристы, да и вообще многие люди серьезно озабочены проблемой пересадки яйцеклеток. Один критически настроенный ум высказался таким образом: "Доноры, без сомнения, торгуют своей репродуктивной способностью. А раз вы можете продать свою яйцеклетку, вы с тем же успехом можете продать и свое дитя". Этот аргумент встретил отпор со стороны женщин-юристов, специальность которой - законы, касающиеся бесплодия, усыновления и удочерения. Она считает, что брать яйцеклетки безвозмездно - эксплуатация. "Материальная компенсация - это справедливо, - говорит она. - Это возмещение донору потраченного времени и усилий".

Женщин-доноров привлекает перспектива хорошего заработка. В рекламных отделах газет можно встретить такие объявления: "Помогите бездетным супругам осуществить свою мечту. Плата за услугу - 2000 долларов". Однако приглашение стать донором, обращенное к студенткам, имеет свою отрицательную сторону - желание заработать или просто нужда может одержать верх над благоразумием: не имея своих детей, молодые девушки еще не могут оценить всю серьезность последствий подобных операций.

Новые репродуктивные технологии развиваются так быстро, что то и дело возникают самые удивительные и подчас пугающие ситуации. Рассмотрим несколько уже имевших место или ожидаемых в ближайшем будущем.

- Теперь ребенок может иметь не четырех участвующих в репродуктивном процессе родителей, а пяти: доноры яйцеклетки и спермы, родители-клиенты, которые будут растить и воспитывать ребенка, и промежуточная мать (*surrogate mother*), в матку которой пересажены яйцеклетки и которая девять месяцев носит под сердцем плод. Женщина может согласиться на роль промежуточной матери либо ради денег, либо по доброте душевной, либо по той и другой причине вместе. Не так давно одна не очень молодая женщина родила собственного внука - это был акт любви по отношению к дочери, которая сама не могла родить.
- В лаборатории шотландских исследователей недавно родился мышенок, выращенный из яйцеклетки утробного плода абортной мыши. Если подобное будет перенесено на человека, то может появиться на свет ребенок, чья генетическая мать вообще никогда не существовала. В отличие от предыдущего случая, когда у женщины, родившей внука, была жива дочь, в данном гипотетическом случае бабушка родит внука, просто перешагнув через поколение.

- Не так давно женщина-негритянка родила белого младенца. Ея были пересажены яйцеклетки белой женщины: негритянка и ее белый муж хотели, чтобы у их ребенка было лучшее будущее.

- Совсем недавно в римской клинике одной англичанке 59 лет имплантировали яйцеклетки от донора и она благополучно родила двойню. Вскоре после этого, в июне 1994 года, в той же клинике после подобной же операции родила шестидесятидвухлетняя женщина.

Сейчас идут горячие дискуссии о том, насколько разумно и этично рожать детей в постклимактерическом возрасте. Французское правительство решило принять закон, запрещающий искусственное оплодотворение пожилых женщин. И сразу же стали раздаваться голоса, критикующие решение правительства, как скороспелое.

Министр здравоохранения, защищающий этот законопроект, заявил, что поздняя беременность, созданная искусственно, не только аморальна, но и

опасна для жизни ребенка и матери. Он призвал женщин не поддаваться эгоизму и не пытаться забеременеть после наступления менопаузы. Против законопроекта выступила известная писательница Элизабет Бадинер. "Никто никогда не запрещал иметь детей двадцатилетней девушке, наркоманке и даже инфицированной ВИЧ, - сказала она. - Так почему женщина в 60 лет, которая может быть прекрасной матерью, не может иметь права родить ребенка?". Газета "Ле Монд" пишет, что беременность пожилых - второстепенная проблема по сравнению с призывами овладеть умением проектировать "идеальных детей", используя генную инженерию.

Не только правительства, но и некоторые женские группы занимают жесткую позицию по отношению к новым репродуктивным технологиям. Самая крупная женская группа Канады "Национальный комитет действия по проблемам статуса женщин" призывает:

- Установить мораторий на открытие новых центров искусственного оплодотворения, пока существующие не будут подвергнуты тщательной проверке.
- Выступать против института промежуточных матерей, делающих из этого бизнес.
- Выступать против создания человеческих эмбрионов для исследовательских целей и требовать запрета разработки технологий, обеспечивающих производство эмбрионов, а также финансирования этих исследований.
- Установить мораторий на предимплантационное диагностирование человеческого эмбриона, призванное выявлять в оплодотворенной яйцеклетке генетические дефекты перед тем, как он будет пересажен в матку.
- Требовать точной формулировки критериев доброволь-

подлежащими медицинскому вмешательству.

Но изменение генотипа человека - это, в сущности, селекция, к которой прибегают, исходя отнюдь не из медицинских показаний. Значит, необходимо иметь жесткие критерии для вмешательства генной инженерии. Что это будет - лотерея? Или, что ближе к истине, доступ к улучшению генотипа получат лишь те, кто может за это платить?..

Естественно желание продлить свой век, развить свои таланты, пополнить биоэнергию (*vigor*), естественно желание дать все это и своим детям. Но к этому надо стремиться, улучшая социальные и экономические факторы, которыми обусловлена наша повседневная жизнь.

Комиссия считает неприемлемой ориентированную на пол селекцию с помощью генной инженерии, которая подрывает принцип равенства. По ее мнению недопустимо конструировать пол ребенка в угоду желанию первым родить мальчика, строить семьи с преобладанием сыновей, увековечивать культурную деградацию женщин. Существует, к счастью, достаточно оснований утверждать, что в Канаде оплодотворение, ориентированное на половую селекцию, вряд ли будет использоваться в этих целях.

Желание иметь сына, которое, повидимому, было присуще канадской семье в прошлом, почти повсеместно исчезло. Хотя некоторые родители высказывают робкое желание, чтобы первым ребенком родился мальчик; меньше 2% канадцев серьезно рассматривают возможность использования ориентированного на пол искусственного оплодотворения для исполнения своей прихоти... Мы сочувственно относимся к желанию иметь в семье хотя бы одного ребенка каждого пола - в семьях, где есть дочери и сыновья, отношения, как правило, складываются гармонично... Но мы убедительно показали, что, решая вопрос о допустимости ориентированной на пол селекции, необходимо принимать в расчет и другие факторы. Если мать с отцом смогут выбирать пол ребенка, не будет ли это способствовать укоренению того заблуждения, что пол ребенка - дело очень важное; не будут ли дети чувствовать неполноценность из-за принадлежности к определенному полу... Эти соображения приводят нас к выводу, что искусственное оплодотворение, ориентированное на селекцию по признаку пола, не найдет распространения в Канаде...

Летопись канадской медицинской генетики убедительно свидетельствует о том, что различные методы внутриутробного диагностирования до того, как они начинают внедряться в практику, проходят самое строгое тестирование на безопасность и эффективность...

И тем не менее, на наших публичных слушаниях, в обращениях в комиссию мы постоянно сталкиваемся с проявлениями недоверия и подозрительности по отношению к деятельности генетиков со стороны граждан.

Людей беспокоит то, что частный сектор в погоне за прибылью будет разрабатывать для борьбы с бесплодием новые современные технологии в ущерб альтернативным методам лечения и что промышленность будет финансировать создание новых препаратов, вместо того чтобы заботиться о предупреждении бесплодия. Общественное мнение обеспокоено тем, что медицинские исследования, проводимые на человеке, осуществляются без достаточно разработанных этических норм, и что корпорации могут обойти гуманитарные принципы, которыми обязаны руководствоваться канадские ученые, проводя исследования и испытывая получаемую продукцию в странах, где нет строгих правил, защищающих здоровье и достоинство человека...

В Канаде существует всего четыре коммерческих банка замороженной спермы, четыре коммерческие клиники, где проводится оплодотворение *In vitro*, две клиники, где можно выбрать пол будущего ребенка, нет ни одного коммерческого агентства, занимающегося подбором промежуточной матери. Тем не менее, нет никаких гарантий, что эта ситуация в ближайшем будущем не изменится; даже небольшое количество поставленных на коммерческую основу заведений способно толкнуть развитие новых репродуктивных технологий в нежелательном направлении и спровоцировать их быстрое распространение. Но у нас имеется возможность действовать, бороться и мы не должны упустить ее.

ного генетического анализа, который должен проводиться только в случаях крайней необходимости.

"Мы должны все более решительно отстаивать эти требования, - сказала бывший президент Национального комитета действий Джуди Ребик. - Речь идет о наших правах распоряжаться собственным телом. Мы сейчас говорим не о праве выбора нескольких женщин, а о коллективных правах всех".

И тем не менее, исключительно важно сохранить за женщиной право самой принимать решения, касающиеся воспроизведения потомства. В июне 1994 года вышла в свет книга Джона Робертсона "Дети выбора: свобода воли и новые репродуктивные технологии". Позицию автора можно выразить в нескольких словах: человек сам принимает решение иметь или не иметь детей - это его фундаментальное право, независимо от того, способен он к деторождению или нет. И он сам должен выбирать способы зачатия и аборта: оплодотворение *in vitro*, таблетки, вызывающие мини-аборт и т.д., без всякого давления и вмешательства государства, пока оно не научилось при решении этих вопросов ставить во главу угла интересы человека. Это государству редко удается, утверждает автор. Он говорит, что непоколебимая верность принципу свободы выбора в вопросах воспроизводства требует уважения к совместным решениям сексуальных партнеров. Именно они и никто другой решают, замораживать и хранить эмбрионы или уничтожить; обращаться ли к услугам промежуточной матери (пусть даже вынашивающая плод женщина в будущем изменит решение и не отдаст рожденного ей ребенка); и даже, скорее всего, им принадлежит право решать вопрос генетического улучшения эмбриона.

В этом обзоре материалов, освещающих новые рубежи, на которые вышли сегодня репродуктивные технологии, и те серьезные проблемы, которые они ставят перед обществом, мы коснулись лишь нескольких важных вопросов и только наметили темы дальнейших дискуссий. Мы еще не раз вернемся к ним на страницах "Вы и Мы". А пока ждем от вас писем с откликами и мнениями.

Колетт Шульман

О некоторых женщинах, которые стали матерями благодаря технологии *in vitro*:

Лиза Гилберт и ее муж из Анаполиса, штат Мэрилэнд. У них есть сын. Они решили родить еще ребенка, но оказалось, что у них развилось "вторичное бесплодие" (secondary infertility). С помощью хирургического вмешательства ее яйцеклетки были оплодотворены спермой мужа и затем возвращены в ее фаллопиевы трубы. "Все прошло успешно с первого раза, - говорит Лиза. - У нас родилась тройня. Прелестные малыши. Мы все так счастливы".

У Дайаны Тигнер и ее мужа из Калифорнии 14 февраля 1994 года родилась дочка. "Мы безмерно счастливы. Без искусственного оплодотворения мы бы наверное никогда не держали на руках этот крошечный бесценный дар".

У Хелейн Розенберг, университетского преподавателя из Нью-Джерси, три года не было детей. И вот, наконец, она забеременела, у нее будут двойняшки. Ей имплантировали яйцеклетки студентки, которой 21 год. "Это чудо, - говорит Хелейн. - Не представляю себе, что бы я делала, если бы не помощь донора".

Женщина-юрист из Нью-Йорка, разведена. Ее младший восьмилетний сын родился от анонимного донора. "Неизвестный отец - это психологическое бремя, которое мы с сыном должны нести. Я часто думаю по ночам об этом. Но не приношу никому никаких извинений".

Columbia-Presbyterian Medical Center

Чего только не пробовала сорокапятилетняя Чарлин Пакирак, чтобы победить бесплодие - инъекции гормонов, стимуляцию работы яичников, искусственное оплодотворение с помощью спермы, удаление яйцеклетки, имплантацию (transfer) эмбриона. И наконец, в январе 1993 года Чарлин забеременела: ее подруга пожертвовала ей свои яйцеклетки. "Мой младенец, - говорит Чарлин, - настоящее чудо! Это фантастика! Советую всем не бояться и следовать моему примеру".

Наш адрес:

The Women's Dialogue US/CIS,
National Council for Research
on Women,
530 Broadway, New York,
NY 10012, USA

Мы будем очень рады вашим письмам с откликами и комментариями по проблемам, поднятым в данном выпуске, а также по другим вопросам, важным для расширения и углубления диалога между женщинами наших стран. Мы с удовольствием на них ответим.

К сожалению, однако, поскольку у нас нет никакого специального штата сотрудников, мы не сможем давать ответы на технические вопросы, связанные с получением виз для приезда в США, финансовой или медицинской помощью, возможностью получения работы в США, поступления в ВУЗ и так далее.

СЕСТРИНСТВО НА ШИРОТАХ МИРА

Заметки на полях статьи Анн Снитоу "БУДУЩЕЕ ФЕМИНИЗМА В СТРАНАХ БЫВШЕГО ВОСТОЧНОГО БЛОКА"

Светлана Айвазова,

Институт сравнительной политологии РАН

Прежде всего, я хотела бы выразить свою признательность и Анн Снитоу, и редакции журнала "Вы и Мы" за то, что они начали этот трудный разговор о судьбах феминизма на Западе и Востоке. Сравнительный анализ истории западного и русского феминизма - тема, которая входит в круг и моих научных интересов. Вот почему я позволила себе откликнуться на эту статью. Сразу же оговорюсь, что я буду рассматривать лишь то, что так или иначе проливает свет на опыт России, так как, на мой взгляд, национальный опыт каждой из стран, входящих в Восточный блок, имеет свою специфику, и этот момент надо специально оговаривать. Я не владею материалом для их сопоставления, поэтому ограничусь только тем, что касается России.

Что мне кажется особенно важным с этой точки зрения? Главная тема статьи - причины разногласий между женщинами Восточной Европы и Западом. Анн Снитоу настаивает на том, что между восточно-европейским и западным женским движением чувствуется огромная разница. Я бы сказала осторожнее: есть и сходство, и различие. Что сближает женщин Востока и Запада? Поиск ответов на общие проблемы в тот момент, когда женщина отказывается играть традиционно навязываемую ей роль "продолжательницы рода" и начинает ощущать себя полноценным и полноправным человеком, субъектом истории, ее активным, а не пассивным началом. О чем размышляет в таком случае женщина? О том, как существовать в новом для нее мире общественного труда, как отстаивать свое человеческое достоинство и достоинство женщины, как совместить работу и домашний труд, воспитание детей и продвижение по службе, как

строить новые партнерские отношения с мужем, влиять на процесс принятия решений в обществе и т.д. Очевидно, что это достаточно солидная основа для взаимопонимания женщин разных стран. И все-таки им нелегко найти общий язык. В чем тут дело?

Анн Снитоу совершенно справедливо, на мой взгляд, подчеркивает то обстоятельство, что в центре этих разногласий лежит проблематика частной жизни, а еще точнее, разделения сфер частной и общественной жизни, проблематика семьи. Я хочу поддержать Анн в ее общей оценке того климата яростного сопротивления идеям феминизма, который характерен для общественного мнения России в последнее десятилетие и который особенно отчетливо дал о себе знать в ходе избирательной кампании в декабре 1993 года. Одной из главных сенсаций этих выборов стало образование в парламенте страны новой фракции - фракции "Женщины России". О "Женщинах России" говорят и спорят сегодня повсюду. Но оценок по существу дела очень немного. И это вовсе не

недоразумение. В нашей журналистике считается хорошим тоном говорить о женщинах в политике с оттенком небрежения, делая вид, что никакого "женского вопроса" в принципе не существует, что речь идет лишь о некоем казусе или о капризах отдельных карьеристок, прорвавшихся к власти ради собственного тщеславия или корысти. Этот же "хороший" тон предполагает пространное суждение о естественном, природном назначении женщины, о ее главной функции - матери.

продолжательницы рода, воспитательницы детей. А также о том, что любое нарушение "естественной" иерархии в отношениях между полами чревато гибелью культуры. Анн Снитоу тоже обратила внимание на все эти lamentации. Что же обеспечивает их популярность? Только ли усталость от эмансипации по-советски, обернувшейся для женщин двойной, а то и тройной

физической нагрузкой, или простой "ренессанс патриархата" на обломках бывшей социалистической культуры? Конечно, и то, и другое характерно для наших дней. И здесь я тоже согласна с Анн Снитоу. Но мне бы хотелось обратить ваше внимание на другой, более сложный процесс.

На мой взгляд, Россия переживает сегодня исключительный момент: впервые в ее истории частная жизнь, как ниша личной свободы индивида, начала выделяться в особую сферу, независимую ни от общества, ни от государства. Это процесс сопровождается буржуазными революциями всегда и везде. Но в нашей стране, где обе буржуазные революции - 1905 и февральская 1917 года, были перекрыты волной революции социалистической, сфера частной жизни так и не сложилась. И монархическое, и социалистическое государства беззастенчиво вторгались в частную жизнь граждан. Подданные этих государств не имели права на свою особую нишу личной жизни и индивидуальной свободы, ведь они принадлежали не себе, а государству. С этой точки зрения, с точки зрения защиты индивида и его свободы, разделение сфер общественной и частной жизни есть явление позитивное - оно создает предпосылки для развития демократии, опирающейся на автономного индивида. Но это явление противоречивое, двойственное. В чем эта двойственность и противоречивость? В том, что формирование сферы частной жизни для начала предполагает ее закрепление - через закрепление авторитета отца семейства, мужа, мужчины, и за счет закрепощения или привязывания женщины к этой сфере. Свобода одного означает в данном случае

несвободу другой. Бунт против такого положения вещей дает толчок развитию феминизма.

В России, в равной ли или неравной мере, имеют место оба явления, оба процесса. Формирование пространства частной жизни сопровождается распространением мифа о природном назначении каждого из полов. Сопротивление этому мифу способствует становлению и расширению женского движения. Как разрешится это противоречие, сказать пока трудно. Но уже очевидно, что ни о какой массовой женской покорности в России речи быть не может. Миф о естественном назначении женщин вряд ли реально воплотить в стране, где на протяжении нескольких поколений работают практически все трудоспособные женщины, где женщины образованнее и просвещеннее мужчин, где они привыкли к той или иной форме общественной активности. Я склонна оценивать эту активность много выше Анн Снитоу. Другое дело - формы этой активности, степень ее осознанности. Да, с этим русское движение пока запаздывает или формулирует свои лозунги в иной форме, чем наши западные подруги. Но формулирует, ставит их перед обществом, и делает это достаточно эффективно. Доказательство тому - образование в парламенте страны фракции "Женщины России", которая считает себя особой группой парламентариев, сознательно отстаивающей социальные интересы женщин в качестве особой категории избирателей. Справится ли она с этой задачей, покажет время.

РОССИЙСКИЙ И ЗАПАДНЫЙ ФЕМИНИЗМ: ПРОБЛЕМЫ ДИАЛОГА

Редакторы русской части 10-го номера "Вы и Мы" Надежда Ажгихина и Ирина Юрна провели во Внешнеполитической Ассоциации "круглый стол" "Российский и западный феминизм: проблемы диалога". Поводом для обсуждения послужила статья Анн Снитоу, опубликованная в "Вы и Мы" №9. В обсуждении приняли участие: 1) Мария Арбатова, драматург, президент феминистского клуба "Гармония", 2) Надежда Ажгихина, редактор отдела журнала "Огонек" (Россия), 3) Ирина Базилева, художественный критик, фонд "Лаборатория" (Россия), 4) Аннабель фон Арним-Баас, врач (Германия), 5) Олег Витте, политолог, 6) Наталья Кигай, Институт США и Канады (Россия), 7) Татьяна Клименкова, Центр гендерных исследований, Москва (Россия), 8) Элизабет (Лиз) Маккион, содиректор московского отделения фонда Д. и К. МакАртуров (США), 9) Юлия Логинова, научный сотрудник Музея изобразительных искусств им. А.С.Пушкина, 10) Анастасия Посадская, директор Центра гендерных исследований (Россия), 11) Эльвира Орлова, сотрудник московского отделения фонда

Д. и К. МакАртуров, 12) Лиза Хоффман, Центр помощи женщинам, пережившим сексуальное насилие "Сестры" (США), 13) Марджори Фергусон, представитель проекта TACIS, 14) Ирина Юрна, директор Центра женских исследований Внешнеполитической Ассоциации.

Н.Ажгихина. Статья А.Снитоу мне показалась очень симптоматичной. В ней сошлись очень разные, присущие многим авторам черты, и материал представляется чрезвычайно полезным для анализа - при всех перегибах и эпатажирующих моментах, при некоторой подчас легковесности - в самом деле, нельзя же, говоря о феминизме в Восточной Европе, не вспомнить, что зародился он в Российской империи еще в прошлом веке, обладал не только историей и традицией, но и специфической субкультурой, которую вполне бы время изучить. Да и в советский период положение женщин в СССР, по крайней мере формально, являлось предметом одобрения и даже зависти западных женщин - об этом неверно было бы

забыть. Автор говорит только о восточно-европейских женщинах, не касаясь российской ситуации, - но в странах, о которых она говорит, неизбежно оглядываясь на российский опыт - отталкивались от него, и настроения женщин в Польше или Чехии так или иначе несут на себе печать взаимодействия с бывшим СССР. Однако, главное, мне кажется, не в этом, не в том, что в статье могло бы быть, - а в том, что ее ткань позволяет выявить некоторые "болевые" точки в диалоге западных и восточных женщин. Лично мне очень помогло осмыслить статью взвешенное и умное предисловие К.Шульман к девятому номеру - в нем, если помните, очень просто напоминилось, что разговор о феминизме непросто проходит и в самой Америке, где сам феминизм достиг больших успехов и интегрирован в социум, о том, что часто люди, говоря в принципе об одном и том же, говорят как будто на разных языках, не понимают друг друга. Вот это, на мой взгляд, и есть стержень проблемы. Мы - я имею в виду западных коллег и своих соотечественниц - зачастую не можем найти общего языка. Не только оттого, скажем, что русские плохо говорят по-английски, а американцы за редким исключением не владеют хорошо русским, и не только потому, что по-русски не существует

Ирина Юрна: "В России все не так, как многим хочется думать".

терминологии, привычной американской феминистке. Проблема, мне кажется, еще и в том, что слово в России, в русской культуре в принципе несет несколько иное значение, чем, скажем, в Америке. Американцы понимают слово - а это единица общения - буквально. "Феминизм" значит феминизм, "деловая женщина" - это деловая женщина и т.д. У нас же слово не всегда равноценно прямому значению, оно более насыщено оттенками, в силу историко-культурных особенностей всей страны, иногда более эмоционально окрашено, и рождает у российского человека море ассоциаций. Некоторые обороты - энергичные, пафос которых мне понятен - у А.Снитов не просто раздражали - я думала, как хорошо, что многие женщины и мужчины в моей стране этого не читали, они бы немедленно пошли войной на феминизм. Для разговора на новую и трудную тему необходим особый в каждом случае язык - для меня это напрямую связано с трудноприживаемостью западных текстов в России. Нужен мостик между высоким теоретическим

уровнем, существующим на Западе, и массовым сознанием в России - причем, это сознание коренным образом отличается от западного. Хотя бы потому, что российские женщины многие десятилетия имели - по крайней мере юридически - те права, за которые на западе сражались еще недавно, то есть они и участвовали в общественной жизни, и занимали мужские места. Трагедия была в другом. Поэтому диалог в этом смысле, по-моему, должен быть обоюдным - и с одной, и с другой стороны необходимо движение. Размышления о том, что западная умная феминистка придет и научит как жить, более чем наивны.

Нельзя забывать и о том, что слово "феминизм", которое рождает в бульварной периодике столько агрессии, в недрах массового сознания рифмуется с "коммунизмом", "марксизмом-ленинизмом" и прочими "измами", к которым выработан стойкий иммунитет, как ко всякой идеологии. Для широкого употребления на первых порах следовало бы, мне кажется, придумать в России новое слово - с тем, чтобы со временем вернуть слову "феминизм" подлинный смысл, разумеется. Но для разговора с широкой аудиторией сегодня я предложила бы что-то иное - типа "женской солидарности", "женской взаимопомощи" или что-то в этом духе. Нужно найти верное слово, и оно откроет многие двери.

Думаю, и диалог Восток-Запад станет более продуктивным.

Т.Клименкова. Когда я прочитала статью, не было понятно, что автор имеет в виду под феминизмом. Удивило еще и то, что говоря о России, она почему-то совсем ничего не говорит о том, что здесь все же есть женское движение. Делается вид, будто ничего этого нет. Может быть, автор имеет в виду только теоретические представления? Что было бы не совсем справедливо - феминизм все-таки не традиционная теория, но в значительной степени посыл к активности.

А.Посадская. Было бы неплохо сделать русское редактирование - скажу честно, я русский текст понять не могла, чувствовала, здесь что-то не то. А когда прочла по-английски, все оказалось в порядке. Что до самой статьи, то ощущение было - будто со мной спорят, как с восточно-европейкой, а я не хочу, чтобы со мной спорили. Потому что это

спор с культурой, которая на самом деле представлена более широким людским потоком. У некоторых восточно-европейских женщин есть на самом деле некоторое отчуждение от западных установок. Мне кажется, нам в нашей среде здесь легче с феминизмом. Мне кажется, трудности диалога находятся не внутри феминизма. Феминизм - и об этом есть слова в статье - это принятие принципа различия. Поэтому, если мы договорились, то и диалог легок.

Н.Кигаи. У меня статья вызвала очень странное чувство - что, когда говорится о трудности диалога между Западом и Востоком, с точки зрения установок, сложившихся на Востоке - то речь идет не о сегодняшних установках, а об установках шестидесятников, которые совершенно не актуальны сегодня. Спорят не с нами, а с ними, с позапрошедшим и прошедшим поколениями. Поэтому, мне показалось, статья бьет мимо цели.

М.Арбатова. Во-первых, согласна с замечанием о шестидесятниках. Мне статья кажется типичной с точки зрения западного подхода к нашим проблемам. Я периодически общаюсь с людьми, которые пытаются привезти и навязать свою некую систему ценностей без достаточного погружения в наш контекст и без прикидок того, что может произойти на этой почве. Да, разговор адресован шестидесятникам. Вероятно, автор плохо представляет не только контекст феминистский в России, но и нашу ситуацию в целом.

В этом номере мы помещаем несколько рисунков молодой московской художницы Анастасии Орловой. Она живет в подмосковном городе Люберцы, учится в Полиграфическом институте на отделении книжной графики. Ее педагог - замечательная художница Вера Хлебникова-Митурич, внучка знаменитых художников 20-х годов Веры Хлебниковой и Петра Митурича, родственница Велимира Хлебникова. Художественные тексты прошлого - активная составная ее собственного творчества. Эта черта в даровании преподавателя, по признанию Насти, импонирует, пожалуй, больше других. Анастасия Орлова начала публиковать графические работы в выпусках "ИМКА-Пресс" и дебютировала в еженедельнике "Огонек". Тема женского творчества, в данном случае "женской прозы" и всего, что с ней связано - одна из доминирующих.

О.Витте. Сложилось впечатление, что это разговор о трудностях, с которыми сталкивается западный миссионер со взглядами феминистки, попадая в общество восточной Европы. Если так ее понимать - это неплохая статья, все трудности там перечислены. Думаю, проблема глубже, чем ассоциация с шестидесятниками. Вообще, все проблемы, связанные с феминизмом, можно обозначить как аспект модернизации - при переходе от традиционного общества к современному. А общество, которое сложилось в восточной Европе и в России, особенно в России - было очень своеобразно по сочетанию элементов современного и традиционного. То есть, некоторых чрезвычайно продвинутых даже по сравнению с Западом элементов и рядом присутствие неотрывно связанных с ними очень традиционных.

М.Фергусон. И я тоже испытала странное ощущение. Мне показалось, что это очень американская точка зрения, а не западная как таковая. Я думаю, в некоторых областях взгляды западноевропейские и американские не совпадают, даже сильно отлича-

Анастасия Посадская: "Лично я не вижу никаких проблем, общаясь с западными феминистками. Мне с ними очень легко".

ются. Наверное, было бы интересно написать встречную статью, проанализировать, какие аспекты американского феминизма не встречают поддержки в западной Европе.

И.Юрна. Мое впечатление сильно отличается от того, о чем сейчас говорили. Мне статья очень понравилась. Некоторые ее тезисы абсолютно совпадают с моими мыслями. То есть многие из описанных проблем волнуют и меня. Мне кажется, что проблемы феминизма неплодотворно рассматривать в отрыве от других общественных проблем. Я думаю, что вряд ли стоит говорить о некоем абстрактном феминизме, так как российский, польский или ГДР-овский феминизм - это абсолютно разные вещи. И это одна из тем: что больше влияет на формирование феминизма: политическая ситуация или национальный характер. Мне хотелось бы, чтобы отталкиваясь от статьи, мы поговорили, наконец, о наших проблемах. О том, почему не только "феминизм", но и женская тематика вообще так и не вошли в общественное сознание. Почему в прессе и на всевозможных конференциях хорошим тоном считается говорить, что место женщины на кухне и т.д.? Почему многие женщины отгораживаются от этой темы, считая ее непрестижной?

Я недавно присутствовала на конференции по современной фотографии, где было несколько феминистских докладов. Они вызвали очень агрессивную реакцию у того круга, который в западном обществе не может быть антифеминистским. Я имею в виду художников и искусствоведов. Я бы хотела, чтобы мы подумали о том, почему наши дискуссии так маргинальны и никак не выйдут за пределы нашего узкого круга.

И.Базилева. Раз речь зашла об искусстве, замечу: западных феминисток, занимающихся искусством, волнует прежде всего проблема репрезентации - в западном сексистском обществе они строятся по принципу: женщина - объект, мужчина - смотрящий. Если посмотреть каталог выставки тоталитарного искусства, которая сейчас проходит в Петербурге, вы такого не увидите: мужчина и женщина там равны. Я не очень знакома с феминистским движением, и мне интересно было бы узнать, что говорится по этому поводу. Каким образом все можно преломить?

Л.Хоффман. Сейчас в России у вас всюду голые женщины. Но однажды я попала в гости к двум старушкам, они жили одни, никаких мужчин в квартире не было, и в ванной у них я увидела изображения обнаженных женщин. Я очень удивилась, и говорила даже со знакомыми феминистками, они только пожимали плечами - мы привыкли, мы не знаем. Но ведь обнаженное тело везде - не только в кино или в киосках с порнографией, но и просто всюду!

И.Базилева. Вот на это прежде всего обращают внимание западные женщины-феминистки. Я бы хотела, чтобы обратили внимание на семьдесят лет предшествующей репрезентации, которой, видимо, нигде больше не существовало.

О.Витте. Показательный пример с обнаженными женщинами в ванне, где мужчин не бывает. На самом деле это символический разрыв с коммунистической идеологией - больше ничего. Когда в рамках старого режима переплелись многие черты модернизированной культуры, то естественный рефлекс отвержения - отвергается все сразу, и отсюда такие парадоксальные на первый взгляд вещи, как призыв вернуть женщину в семью. Грубо говоря, все, что коммунистическая идеология считала плохим, согласно такой точке зрения, наверное и есть хорошее. Думаю, это фактор даст себя знать еще не одно поколение.

И.Юрна. Я согласна с тем, о чем говорил Олег Витте. Это так называемые "зеркальные стереотипы". Как только произошла перестройка, все стереотипы, которые существовали, поменяли

"плюс" на "минус". То есть, если раньше было запрещено показывать обнаженную женщину, то сейчас это почти обязательно; если раньше женщину определяли как трудовую единицу, то сейчас прилично говорить, что она должна вернуться в семью. Это касается всех стереотипов, не только женских. Но мне не кажется, что это вопрос нескольких поколений, потому что у меня такое ощущение, что уже этот период проходит, и проходит именно в связи с политической ситуацией. Сейчас новая модная волна, и основные темы светских бесед и на кухне, и на конференциях, что на самом деле в нашем обществе ничего не изменилось. И стереотипы опять быстро меняют знаки на противоположные, хотя пока женской проблематики это не коснулось. Но на самом деле, мне кажется довольно трагичным то, что любые наши стереотипы очень сильно оторваны от реальности. Конечно, в любом обществе стереотипы оторваны от реальности, но у нас с таким опытом двойного сознания - опытом отнюдь не только семидесятилетним, это особенно опасно. Опять женщин ориентируют на вещи, которые не имеют к реальности никакого отношения. То есть, когда агитируют женщину за возврат в семью, понятно, что никакой муж ее прокормить не может и т.д. Что касается демонстрации сексуальности, то это, наверное, отдельная тема.

Т.Клименкова. Возвращаясь к теории "зеркального стереотипа". Если запрещали изображать женское тело, то теперь это хорошо. Извините, но запрещали и изображать мужское тело, почему с ним такого нет? Дело, я думаю, в другом. Ирина, тот вопрос, который вы подняли - чрезвычайно важен, он нуждается в чрезвычайно осторожном осмыслении, мы его здесь никак не решим.

О.Витте. Дело в том, что в рамках идеологии не было оторванных примеров от времени запретов. Нельзя делать то, что на Западе. Поскольку на Западе по крайней мере долгое время обнаженное мужское тело не было распространено, то не было смысла и запрещать. А запрет обнаженного женского тела действительно имел высокую цену.

И.Юрна. Возвратимся к статье. Мне кажется, во всем, что мы сейчас говорим, есть проблема диалога, который условно называется "Восток-Запад". Она есть и в статье Анн Снитоу, и в нашем отношении к этой статье. Я выскажу свое впечатление: я знаю, что с ним почти никто из моих коллег не согласен. Мне кажется, что сейчас начался период усложнения отношений между российским обществом и западным, и отнюдь не только на верхнем уровне - идеологическом, государственном и политическом - а на самом деле, на очень даже обыденном и среднем - как мы это называем, на уровне обыденного общения. Мы опять возвращаемся к формулировкам, что "нас не понимают", что "мы другие", что на самом деле наша цивилизация идет по другому пути и более правильно, что не зря поэтому все западные люди

все так хотят сюда ехать, потому что сам-то Запад - в тупике, и поэтому здесь как раз настоящая жизнь, и им все это интересно. Мне понятно, чем это вызвано, но я чувствую, что у нас сейчас начинается опять период изоляции, но мы его уже создаем сами, потому что это уже не внешняя изоляция, а самоизоляция. И в этом есть определенный конфликт. То есть на уровне феминизма он такой же, просто, может быть, феминистки настроенные женщины у нас более - как принято говорить - "прозападные". Но в принципе, мне кажется, вот такая ситуация в обществе сейчас начинается, и она усложняет диалог.

А.Посадская. Что усложняется, диалог кого с кем - восточных феминисток с западными феминистками? Общества по отношению к феминизму? Я не очень понимаю. То сообщество, которое здесь считает себя феминистским, оно иначе это ощущает. Лично я не испытываю никаких трудностей, когда говорю с западными феминистками, мы находим общий язык...

И.Юрна. Я говорю о своем восприятии. Я чувствую это непонимание, которое можно интерпретировать как столкновение двух миссионеров.

Мария Арбатова: "Среди нас, творческих женщин, писателей, драматургов, режиссеров - феминисток - наперечет!".

Н.Ажгихина. Вот это-то меня и пугает едва ли не больше всего. Что феминизм вместо того, чтобы внести ноту здравомыслия в нашу хаотическую действительность, чтобы на деле, практически способствовать подлинной демократизации, превратится в узкоспециальный элитарный клуб. В таком случае от него на российской почве будет больше вреда, чем пользы. Я категорически не согласна считать себя неким миссионером, носителем будто бы высшего знания о жизни только потому, что я три года назад выучила слово "гендер", а сотни моих соотечественниц никогда о нем не слышали. Российские женщины, не слыхавшие о теоретиках феминизма, не то что давно доросли до него - они нередко по жизни большие феминистки, чем вполне продвинутой женщины Запада. Правда, нередко не нравится им слово "феминизм". Отчасти и потому, не стоит этого скрывать, что те женщины, которые могли бы им помочь побольше узнать о западной практике - бесконечно от них далеки или же ведут себя как "миссионеры". И в том, что это так, к сожалению, виноваты и сами западные женщины, которые приезжают в Россию в последнее время - они сталкиваются с ситуацией, им во многом неясной, с

непривычным языком и знаковой системой общения - а отечественные "миссионерши", обрадованные тем, что им самим все понятно в диалоге с западными коллегами, не очень успешно помогают им лучше понять других русских женщин. Как-то по-советски получается - формируется некая феминистская элита международного значения. Я намеренно обостряю - но мне тревожна тенденция, мне кажется, все мы должны сейчас работать в области поиска путей взаимодействия с женщинами самых разных групп и регионов. Повторяю, я убеждена: российские современные женщины вполне готовы к феминистской активности в целом. Они не артикулированы, в голове у них часто каша - как, впрочем, и у многих мужчин. Надо найти с ними общий язык - и западным феминисткам, и русским.

А.Посадская. Я не вижу оснований говорить, что мы различны. Диалог трудный, потому что у них феминизм возник на волне ухода женщин из производства, а у нас наоборот. Я не вижу здесь принципиальных различий. Это не о движении из дома на работу и наоборот, это о моем собственном голосе. И здесь мы принципиально близки. Я повторяю, феминизм не просто терпит принцип различия, но ценит его. Эта ценность различия и позволяет иметь диалог с ними. Мне трудно иметь диалог в этой культуре. Я читала эту статью, все время говорила: "Зачем ты со мной споришь, дорогая Анна? Не надо со мной спорить! Я стою на твоей стороне, я вижу сложности, которые ты перечисляешь. Да, по этим причинам общество одиннадцать пунктов не приемлет, или трудности адаптации феминизма - это мои же трудности". Мне колоссально интересно слушать любую феминистку, у меня нет отношения "субъект-объект", "учитель-обучаемый" и т.д. Это всегда диалог равных. Сложности всегда в рамках культуры, которая все-таки противостоит. И я не хочу называть это географией, это не понятие Запада и Востока, по-моему, вот отсюда мы должны выйти. Это позиция женщин, которые осознали свою перспективу, свою возможность осмысливать собственное положение, собственную культуру и тем обществом, которое не позволяет им этого делать.

Л.Маккион. Я сейчас слушаю разные точки зрения и думаю, что "да, я согласна", "да, я согласна"... Мне кажется правильным, что мы

пытаемся говорить, например, здесь не только о феминизме, но о более общей картине тенденции самоизоляции, которая сейчас играет большую роль. Наверное, надо обратить на это внимание... По поводу языка. Мне интересно то, что сейчас говорила Ася Посадская: "Давайте найдем что-то общее и бросим то, что ложное". Это тоже очень важно для диалога. Но основная цель дискуссии, конечно, зависит от вас, к чему вы стремитесь...

Т.Клименкова. Надо помнить, во-первых, что язык - это вообще сексистское явление. В принципе, язык - это признак нефеминистской культуры, и поэтому нам трудно. Это во-первых. И во-вторых, насчет того, что у нас есть общего. Этот вопрос сразу же объяснит нам, почему у Аси и у меня такая позиция, что среди феминисток нетрудно общаться. Дело в том, что феминистки борются. И феминистки на Западе - это все-таки люди, которые возражают, и здесь - это люди, у которых есть опыт "возражения", вот это их объединяет. Недовольство маскулинистским характером этой культуры существует как на Западе, так и здесь. Это и есть наша общая "повестка дня". И с этих позиций мы можем начинать какой-то общий диалог. Вопрос в том, способна ли женщина на сопротивление. И нас объединяет наше общее сопротивление. И природу его мы понимаем, эта природа лежит гораздо глубже, чем проблема "социализм-капитализм", и то, что сейчас мы от "плохого социализма" к "хорошему капитализму" идем - это смешно. Не нужно думать, что раз здесь Восток, то здесь какие-то странные люди, которые только прочтя литературу на английском языке, начинают понимать феминистский опыт. Ничего подобного: наши женщины очень готовы к пониманию этого; я в этом совершенно убеждена.

И.Базилева. Меня одна ваша фраза о борьбе ужасно испугала. Мне кажется, что если женщины после стольких лет угнетения или пребывания в сексистской культуре сейчас начнут бороться... Мне кажется, что проблема лежит совершенно не в этом. Я недавно говорила с одной американской феминисткой, и нашли мы с ней общий язык именно потому, что она мне сказала, что ей уже самой надоела деконструкция и постоянная борьба с мужской репрезентацией, и "я сейчас хочу что-то такое сделать, придумать, создать положительное, как образец женского творчества". Мне кажется, в этом проблема. Женщинам всегда отказывалось в праве на творчество, хотя те, которые хотели иметь это право (я так считаю, потому что я все-таки не феминистка), всегда без борьбы могли приобрести и иметь. Я не говорю сейчас в политическом и социальном смысле, я имею в виду чисто культурологический аспект.

Надежда Ажгихина: "Категорически не согласна считать себя миссионером".

М.Арбатова. У нас разрешенность на женское творчество появилось совершенно недавно. У нас обычно декларируют: "Я не поэтесса, я поэт", как Бэлла Ахмадулина. Табу на творческую состоятельность одновременно с полом...

Н.Кига. Мне показалось - это меня очень огорчило, что у статьи несколько популистский и очень конкретный пафос. Для меня никогда феминизм не был ни частью борьбы женщин за что-то - я понимаю, что феминизм имеет дело, например, с проблемой насилия или с проблемой аборт, но феминизм не сводится ни к одному, ни к другому. Феминизм - это некоторый культурный выбор, который совершает часть человечества. Где-то совершила, где-то не совершила. У всех есть основные права, есть национальные традиции, обычаи и предрассудки - против них очень трудно идти. Занимаясь феминизмом, мы должны определить конкретную форму этого мышления в каждом сообществе, в каждую эпоху, в каждом маленьком социуме. Только так можно о чем-то говорить. И феминизм для того, чтобы не отторгнуться от общества, чтобы быть принятым обществом - потому что, как мне кажется, когда говорят о трудности диалога, говорят именно о том, что феминизм не берется нашей культурой и нашей жизнью. Феминизм должен войти в нашу

культуру – высокую и низкую, он должен творить язык. Иначе с ним будет то, что уже в России было с православной церковью, которую высшие слои общества как бы никогда всерьез не принимали, потому что церковное сообщество агрессивно и замкнуто, обряд непонятен и устарел, и туда как бы не хочется – даже верующий советский или русский интеллигент всегда был не очень-то церковным человеком. И то же самое будет происходить с феминизмом, пока мы будем пытаться делать из него что-то такое популистски или конкретно ориентированное. Вот такого отторжения на определенном этапе не произошло с революционной идеей. Потому что, по-моему, русский авангард перемешал это и на уровне философии, и на уровне богословия, и на уровне низкой культуры. Когда, скажем, Мережковский писал "в Христе и Антихристе": "Звезды наверху, звезды внизу, все, что вверх, все, что вниз", потом это одевалось в шлягер: "Звезды на небе, звезды в сердце моем...". В шлягере был достигнут катарсис. Это, действительно, какое-то такое единое культурное пространство, в котором если феминизм не расположится, то он отторгнется.

А.Баас. У нас в Германии, конечно, другая традиция, связанная с феминизмом, но у нас тоже, если говорить о немецком обыденном сознании, феминизм значит что-то ужасное, несмотря на то, что благодаря феминизму мы получили очень многое. Это значит, что идеи, которые изначально были очень прогрессивны, сейчас воспринимаются внутри нового поколения как не очень модные. И сейчас в Германии отношение к феминизму как и у вас, неблагоприятно. Мне так же говорят: "Ты так хорошо выглядишь, не может быть, чтобы ты была феминисткой".

Л.Хоффман. Я могу говорить только о своем опыте и в Америке, и в России. В Америке то же самое: если я говорю, что я феминистка, я как бы с другой планеты. И даже когда я говорю со своими знакомыми, даже с сестрой – я считаю, что она очень сильная женщина, умная женщина, но она боится назвать себя феминисткой, потому что это не принято. То же самое я заметила в России. Когда я со своим русским знакомым говорю, что я

феминистка – такая же реакция: "А мы думали, что ты нормальный человек...". А когда мы не упоминаем слово "феминизм", выясняется, что они думают на самом деле так же, у них очень подобные мысли, как у меня. Это просто разное понимание того, что такое феминизм. У каждого есть свое понимание феминизма, это хорошо, потому что у каждого человека есть свой голос. Вот, мне кажется, в чем главный принцип феминизма – что у каждого человека, у каждой женщины есть возможность сказать, что она хочет, что она думает.

Л.Маккион. Нужно находить общий язык через разговор, а не через терминологию. И на Востоке, и на Западе. У нас в США феминизм настолько включается в систему власти, в систему экономических вопросов и т.д., что это начинает означать что-то довольно отрицательное.

Ю.Логинова. Вообще вся Россия состоит из сплошных феминисток, которые себя феминистками не считают, потому что куда вы не пойдете – везде одни женщины. В магазинах – женщины, во всех конструкторских бюро, в газетах – женщины. У меня даже был очень смешной разговор с одним нашим французским партнером, который говорил: "У меня такое ощущение, что в России работают только женщины. Сколько я ни сталкиваюсь с мужчинами – они только болтают...".

А.Посадская. Это очень важный разговор о ярлыках. Мы все с этим сталкиваемся. Когда в Думе участвуешь в обсуждении очередного жуткого закона, тебе говорят: "А-а, феминистки пришли...". Я всегда говорю: "Да, но в моем смысле этого слова". Потому что совершенно очевидно, что смыслы у меня и у тех людей, которые имеют к этому негативное отношение, будут разными. Но я лично совершенно категорически против того, чтобы как бы стесняться говорить о себе, я всегда говорю: "Да, я феминистка, потому что я не хочу участвовать в той культуре, которая наказывает меня, запрещая мне себя самой называть тем единственным на сегодняшний день словом, которое означает женское сопротивление. Это есть, это уже

история, это просто уже несправедливо по отношению к тем женщинам, которые, я уверена, уже изменили сегодняшнее общество, благодаря которым у нас есть хоть какой-то голос.

И второй момент. Все-таки я считаю, что настоящего феминизма у нас пока еще очень мало. Знаете ли вы или нет, но для меня это очень важная проблема, о которой я стараюсь всюду говорить: "В России введен только платный аборт. Это еще не всюду на практике, но в законе это уже так – тихо-тихо это ввели. Мы два года боролись с большим законом, мы его похоронили, а его ввели на уровне указа Минздрава. Тихо-тихо нас исключают из той сферы политики, которая связана с нашей телесностью, в первую очередь."

И.Юрна. Мне кажется, что как раз для нашей страны движение феминизма очень важно. Потому что женщины, работающие и создающие ту жизнь, которой мы живем, как-то должны осознать свои права, а не только обязанности. И осознать они это могут только сами. И за это стоит бороться. Вот в этом должен заключаться феминизм.

Л.Хоффман. Недавно был семинар в Нижнем Новгороде по теме жестокого обращения с детьми. Аудитория – в основном женщины и трое мужчин, они все трое были директорами детских домов, а все остальные – обыкновенные работницы. То есть, может быть, женщин, которые делают работу, много, а те, кто принимает решения и имеет власть – это мужчины. Я работаю и с женщинами, и с мужчинами. Я даже не знаю, сколько раз мне говорили: "У тебя много женщин работает". Их, может быть, только половина, но все замечают, что много женщин. Это неприятно.

И.Юрна. Я возвращаюсь к тому, употреблять слово "феминизм" или нет. Я эмоционально, Ася, с тобой абсолютно согласна, потому что я тоже всегда говорю: "Да, я феминистка...". Люди, которые меня об этом спрашивают, неизвестно что под этим подразумевают... Но проблема в том, что феминизм в нашем обществе становится очень замкнут. Надо, чтобы эта тема немного дошла до общественного сознания через, например, средства массовой информации. А для того, чтобы она как бы спустилась и была поглощена просто женщинами, мужчинами – я тут за полное равенство, потому что мне лично иногда достаточно просто в этой теме найти понимание с нормальными мужчинами – это надо делать аккуратно. И, например, когда я пишу, слово "феминизм" употребляю очень редко. Мне кажется, что нам, как стране, полезно не столько даже наше, к сожалению, замкнутое феминистское течение, потому что я не очень уверена, что оно будет быстро понято в России, но хотя бы понимание женщинами себя и своих проблем – без бесконечных комплексов вины за то, что они не успевают заниматься домом и т.д.

И.Базилева. Я совершенно согласна с Ириной Юрн. Зачем гордиться тем, что российские феминистки будут очень хорошо понимать американских феминисток, если это все не войдет в культуру и не станет культурным языком. Мне иногда кажется, что у некоторых наших феминисток проскальзывает отношение ко всем остальным женщинам и мужчинам, как к низшим существам. Поэтому, мне кажется, это совершенно не тот путь, который нужно выбирать. Вообще это очень неблагоприятная вещь – бороться с культурой, своей или чужой...

И.Юрна. На самом деле, мне кажется, что это, действительно, проблема, потому что то, о чем сейчас Ирина Базилева говорила, это проблема феминистского снобизма.

Н.Кигаи. По-моему, среди нас бытует мнение, что феминизм – это клуб. Не надо забывать, однако, что женщины, приписанные к этому клубу, принимают феминистские решения сто раз на день и ведут за свои права постоянную борьбу.

М.Арбатова. Я в шоке. Ася сказала, а почему я должна перед кем-то оправдываться, искать толковые словари, если я феминистка? Я думала, что мы все уже об этом договорились. Дело в том, что феминизм на самом деле это только собственное отношение к Декларации прав человека – больше ничего. И что вы дальше из этого делаете – вяжете крючком или выращиваете собак – это ваше дело. Я, будучи феминисткой, буду думать, как мне в собственных статьях или в чем-то еще найти популярный язык.

—Housework Avoidance—

Alice Muhlback

"Глаза б мои не смотрели на все это!.."

Reprinted by permission.

И.Базилева. Я думаю, что феминисткам надо, действительно, чему-то поучиться у женщин, которые не считают себя феминистками, но имеют какой-то опыт.

И.Юрна. Меня это очень интересует, потому что меня интересует та реакция, которая была на конференции по фотографии, которую я уже упоминала - очень интересной конференции - и единственное, что вызвало агрессию, это именно феминистская тема. Агрессию вызвала не на уровне идеологического обсуждения, а были только шутки типа: "Женщина отличается от мужчины тем, что мужчинам нужны порнографические журналы, а женщинам - нет", "Все приезжающие сюда западные феминистки консультируются где-то в одном месте на Западе, у них - всемирный заговор феминизма, и они приезжают все с одним и тем же текстом", - это выступила женщина лет тридцати, искусствовед. Я не могу это объяснить моим западным друзьям. И я сегодня говорила с вашей знакомой, с которой мы нашли общий язык по поводу феминизма, американской женщиной-фотографом Дайаной Ньюмайер, которая сказала: "О, наконец, за полгода жизни в Москве я могу с кем-то поговорить про феминизм". И она мне сказала: "Я никак не ожидала, что у вас такое сексистское общество. Я сюда приехала как очень известный, сильный фотограф. До меня здесь был мужчина, который профессионально намного слабее меня. Он был очень загружен - ему предлагали участвовать в каких-то семинарах и т.д. Когда приехала я, мне предложили работать в школе с детьми, что обычно предлагают женщинам. По-своему мне это даже понравилось, потому что это для меня большой отдых. Но это абсолютно сексистское восприятие. Хотя всем известно, что я сильнее профессионально, чем он. Я ни с кем не обсуждаю эту тему, потому что не хочу навязывать свое мнение. Я просто эту тему внутренне для себя закрыла..."

А.Посадская. В свое время, когда мы начинали, первый раз встретились в 1988 году - во всяком случае, когда я первый раз встретила с членами нашей группы "Лотос" - я помню, что у нас было определенное ощущение того, что мы знаем что-то больше. В силу того, что занимались наукой... Скорее всего, это был не феминистский взгляд сверху, а просто,

может быть, научный... Но постепенно, по-моему, мы пришли к пониманию того, что сделали концепцией второго феминистского форума - взаимное обучение, диалоговая культура: "Мне нечему учить этих женщин - я хочу у них научиться". И может быть, если в данной культуре интегрировать феминистский взгляд означает быть больше похожей на условного традиционного мужчину или наоборот, напротив, говорить: "нет, я вот такая, я могу выглядеть как традиционная условная женщина, но при этом я имею еще другие какие-то в этой жизни интересы и свой голос", - пусть это будет феминизм. Мне кажется, что просто никто из нас еще ни разу не пытался сформулировать законченную рамку того, что есть феминизм и что есть феминизм, потому что он инкорпорируется, он даже не о женщинах - вы совершенно в этом правы - он абсолютно не о женщинах...

И если мы вот это измерение в нашу культуру внесем, в котором понятие пола будет расширено за рамки мужественности и женственности, конструируем или иным образом, наверное, тогда мы можем говорить, хотя бы члены этого общества называть себя феминистами и феминистками или нет, - феминизм уже сделал свое дело.

О.Витте. На самом деле, очень часто возражения "я не феминистка" означают "я в вашей партии не состою" и ничего больше.

Л.Маккион. Допустим, у нас в США это, может быть, не определенный круг, но определенное понятие, и когда кто-то вне круга говорит даже правду, это абсолютно аннулируется в мозгу публики феминистской, потому что она ей не доверяет. И поэтому найти общий язык между людьми становится все тяжелее и тяжелее.

Н.Ажгихина. Очень важный вопрос, вокруг которого мы все время ходили, вопрос, который сводится к вопросу о культурных канонах, не только об имиджах, которые существуют в массовом сознании, но о некоторых моделях поведения, моделях образа видения мира и т.д. Очень точно сказано про артистический мир, где не принято называть себя феминистками. То же можно сказать про

кино или литературу. Мне кажется важным, что мы здесь собрались все такие разные, и каждый представляет какую-то свою область - многие из нас раньше не встречались. Мне было важно услышать, что на самом деле проблемы очень похожи, и они сводятся к поиску общего языка - возможного языка в самой различной аудитории. Я не вполне согласна с Ириной Юрн относительно культурного и национального изоляционизма. Потому что в той же России, в той же Среднерусской возвышенности есть люди, которые выросли на Севере, есть люди, которые выросли на Юге, люди, которые выросли в городе в семье потомственных интеллигентов, люди-лимитчики, которые принесли в город свои патриархальные представления о семье, о том, какими должны быть взаимоотношения людей в обществе и т.д.

Мне кажется, задача-максимум, к которой мы могли бы стремиться, это попытаться найти какие-то точки взаимодействия с каждой такой группой - очень маленькой, может быть, очень специфической, у которой есть свои какие-то странности, свои какие-то особенности. Потому что на самом деле общего и на Западе, и на Востоке, и во всех этих группах значительно больше, чем каких-то мелких различий, на которые в основном все обращают внимание. "Ах, она не разрешает нести свой чемодан, какая она гнусная, какая она противная". "Вот, она не любит ярко краситься" или наоборот "любит ярко краситься" или что-то такое еще. За этим уходит суть. И когда мы говорим о процессе, мы должны говорить о какой-то глубине. Хочу еще два слова сказать про язык. Татьяна Клименкова говорит, что она не хочет в этой культуре экстремистского, отвратительного языка общаться. Но существуют разные языки. Существует язык искусства - одного, другого, третьего...

Фотографии Марка Штейнбока

ОЧЕНЬ СУБЪЕКТИВНЫЕ ЗАМЕТКИ о динамике восточно-западного феминистского диалога

Анастасия Посадская

Я рада тому, что появление очень интересной статьи Анн Снитоу дает мне возможность искупить давнее чувство вины перед журналом "Вы и Мы" и его со-редакторами Колетт Шульман и Катриной ван ден Хувел. Журнал, который они делают для нас в течение почти четырех лет, представляет, на мой взгляд, великолепный пример искренней и заинтересованной поддержки женщинами друг друга. Это ведь очень непросто - делать в США русско-американский феминистский журнал для российской аудитории. Здесь и проблемы подбора материала, перевода (в блистательном исполнении Марины Дмитриевны Литвиновой), пересылки в Россию... При том, что это отнюдь не единственная работа, которую делают редакторы. Спасибо им огромное за труд. Я люблю этот журнал. Мне кажется, он играет

Способов взаимодействия очень много - и не только в печати или слове, сказанном по телевизору. Если все это будет каким-то образом работать на какое-то большее взаимодействие и взаимопонимание, мне кажется, что именно русское движение, которое пока, конечно, не может быть названо словом "феминизм", все же, прежде всего реабилитирует слово "феминизм", которое нуждается в реабилитации, так же как слово "социализм". И тогда это слово будет реабилитировано, и тогда оно будет действительно воздействовать на нашу практику, потому что для нашей культуры слово первично и еще очень долго будет таким оставаться. А со словом "борьба" я предлагаю разобраться как-нибудь в следующий раз, потому что это отдельная тема.

Л.Хоффман. Этот разговор очень похож на разговоры, которые происходят постоянно в Америке. Возвращаясь к статье, как установить диалог между западными и восточными женщинами, могу сказать, что это та же самая задача, как и установить диалог между самими американскими женщинами. Здесь две женщины из Штатов и по одной из Шотландии и Германии, но тем не менее, мы не представляем, конечно, целостный взгляд феминизма на Западе. Когда я работала в женской организации в Лос-Анжелесе, я помню, что это была каждый день борьба. Хотя мы все были женщины. Но каждый день был борьбой за то, во что мы верим, а понимание друг друга - в том, что мы представляем, что, по-нашему, что значит. Человек устает, конечно, от этого. Тем не менее, это интересно - как продолжать этот диалог и какие культурные различия между российскими женщинами и другими женщинами. И какие тут поиски взаимопонимания.

очень важную роль помощника становления новой идентичности российской женщины. Журнал связывает настоящее и прошлое, Запад и Восток, социализм, капитализм и пост-индустриальное общество, вопросы политики, образования, здоровья - с точки зрения одной перспективы - женской. И хотя материалов, посвященных работе Московского центра гендерных исследований и Независимого Женского Форума (двух женских организаций, с которыми меня связывает не просто работа, а судьба) в девяти вышедших номерах журнала довольно много, мне все-таки всегда хотелось, чтобы появилась и моя, специально написанная для "Вы и Мы" статья.

В свой очередной приезд в Москву Колетт Шульман привезла номер журнала с сокращенным

переводом статьи Энн Снитоу "Будущее феминизма в странах бывшего восточного блока". Появление этой статьи и стало второй побудительной причиной для этих моих заметок. Наверное, впервые "Вы и Мы" опубликовал статью, в которой как раз и делается попытка разобраться, кто же такие "вы" и "мы" с точки зрения исследования возможностей и трудностей диалога феминисток Востока и Запада. Кроме того, я испытываю очень теплые чувства к Энн Снитоу, поскольку часто бываю у нее дома в Нью-Йорке. Энн и Соня Робинс неоднократно приглашали меня выступить перед участницами Восточно-Западной женской сети, основательницами которой они являются. Гостеприимная квартира Энн на Спринг-стрит в Сохо стала местом очного, непосредственного диалога феминисток Востока и Запада. А для меня - одним из тех мест Нью-Йорка, благодаря которым я так полюбила этот город.

Итак, я просто не могла не откликнуться на эту статью. Прежде всего, я приняла участие в круглом столе, который организовали в Москве журналистки Надежда Ажгихина и Ирина Юрна. Этот круглый стол также вылился в своеобразный поликультурный диалог, поскольку в нем участвовали представительницы не только России, но также Германии, США, Великобритании. Материалы круглого стола будут опубликованы отдельно, а мне хотелось бы поделиться своими мыслями по поводу статьи Энн Снитоу. Как теми, что прозвучали на круглом столе, так и теми, что вышли за его рамки.

Прежде всего, статья мне кажется очень интересной, поскольку автор, основываясь на собственном опыте международного общения в феминистской среде, делает попытку обобщить причины и последствия затрудненности диалога между феминистками Запада и Востока. Несомненно, большая часть явлений, которые Энн Снитоу перечисляет как "список причин, затрудняющих восточно-западный феминистский диалог", в той или иной мере могут быть отмечены во всех пост-социалистических странах. В то же время, как мне представляется, сказывается то, что опыт автора статьи в значительной степени определен общением с феминистками бывших Чехословакии и ГДР. Я не хочу сказать, что российские феминистки уникальны, но все-таки не могу не высказать соображений, которые у меня возникли именно в связи с некоторыми общими подходами статьи.

Диалог труден? Между кем и кем?

По мере чтения статьи меня не покидало чувство все нарастающего несогласия с основной посылкой автора: "диалог между женщинами Востока и Запада проходит трудно и очень трудно..." Постараюсь объяснить свою позицию.

Политическая география (отраженная в понятиях "восток" и "запад") - ложное препятствие, которое создается (успешно!) доминирующей политической культурой. Цель - разединить женщин, воздвигнуть на месте разделявшего нас политического "жесткого" барьера типа Берлинской стены новый тип "мягкой" отчужденности, когда мы сами, уверовав в свою "культурно-национальную

специфичность", начинаем говорить: "Феминизм? Нам бы ваши проблемы..." Но: отражает ли этот вопрос отношение восточных феминисток к феминизму? И если да, то всех ли? Когда я читала статью, мне все время хотелось возразить автору: "Энн, у нас нет повода для разногласия. Твой оппонент - не я, а культура моей страны, в той же мере, в какой культура твоей была агрессивна по отношению к идеям феминизма четверть века назад. Ты и я - по одну сторону барьера, который проходит не между мной и тобой, а между нами и обществом".

В бывших социалистических странах сопротивление феминизму сегодня более очевидно, оно еще не ретушировано гендерно-нейтральной

Выйти с феминистскими мыслями в мир - дело, которое требует немалого мужества.

риторикой общества, воспитанного феминистским движением "вести себя на людях прилично".

Вот почему я не могу принять исходного тезиса Энн Снитоу "о трудности диалога между женщинами Востока и Запада". На мой взгляд, если поначалу трудности и есть, то это, скорее, трудности, связанные с узнаванием чего-то нового, незнакомого, но не априори чуждого.

Никогда не забуду своей первой очной встречи с феминистками Запада, приехавшими на конференцию "Женщины и новые технологии" в Суздаль (старинный русский город недалеко от Москвы). Это было всего пять лет назад, в марте 1989 года. Разве моя жизнь после этого омрачилась постоянной дискуссией о нашем "фатальном различии"? Напротив, это было восхитительное узнавание своих сестер, тех, кто понимает и с кем говоришь на одном (хотя и неродном) языке. Кстати, нашла свое маленькое родное феминистское сообщество внутри страны я только шесть лет назад, в апреле 1988! Как мне кажется, только тогда и началась моя настоящая жизнь - с возможностями самореализации, понимания новой идентичности мира, страны и себя.

Я помню нашу встречу с женщиной, которую называю своей феминистской матерью - Синтией Коуберн из Великобритании. Блестящая исследовательница, активная участница антивоенного движения, основательница одной из европейских феминистских организаций... Мы НАШЛИ ОБЩИЙ ЯЗЫК МЕЖДУ СОБОЙ БЫСТРЕЕ ЧЕМ ВНУТРИ ГРУППЫ СОВЕТСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬНИЦ! Именно после этой встречи у меня появилась уверенность, что необходимо обогатить наш язык теми понятиями и концепциями, которые родились в англоязычной феминистской научной среде. Мы стали использовать понятия *гендер*, *сексизм*, *грасс-рут организация*, *политика позитивных действий* и многие другие. Не потому, что их нельзя заменить русскими описательными терминами, а потому, что они верно отражают определенный подход к

анализу любого общества с точки зрения женщины. Подход, который мы разделяем.

Было ли в чем-то недопонимание? Да, и очень существенное. Но связано оно было не с принципиальными различиями в понимании подчиненного положения женщины, а с интерпретацией того социального контекста, в рамках которого это подчинение осуществляется при социализме и капитализме. То есть, если, говоря о положении женщин, мы пытались создать и выучить общий язык феминизма, то говоря об обществе в целом, нам приходилось (и приходится) преодолевать дезориентирующие смыслы старого языка! Прежде всего, это относится к категории социализма. Для нас, только что вышедших и даже еще не совсем вышедших из общественного устройства, которое само себя гордо именovalo социалистическим, очень трудно было отделить социалистические ценности от социалистических реалий. И поэтому часто дискуссии были связаны именно с тем, что "мы" критиковали реалии, а "вы" защищали ценности. Понимание этого - процесс длительный и болезненный, но абсолютно необходимый.

Как мы шли к пониманию? "В режиме слушания". Именно так называлась статья Синтии Коуберн, опубликованная в специальном номере "Феминист Ревю" осенью 1991 года. Это об особом типе слушания, о слушании как работе, о слушании смысла как форме нахождения взаимопонимания и преодоления отчуждения. "Слушание смысла" стало той новой социальной технологией, в которую меня посвятили западные феминистки. "Мы делаем слушание" - часто говорит Синтия Коуберн. Может быть поэтому мне легко говорить с женщинами-феминистками Запада. Мы вместе ищем и находим общий смысл произносимых слов. Это моя аудитория, в которой меня слушают и слышат.

А вот выйти с феминистскими мыслями в мир - дело, которое требует немалого мужества. Ибо этот мир не приемлет феминизма как явления, призванного подвергнуть сомнению патриархатные ценности, и, тем самым, подвергнуть сомнению все планы социального реформирования, вскрывших гендерную ущербность. И здесь мне ничего не остается, кроме того, как во многом согласиться с той интерпретацией анти-феминизма пост-социалистического общества, которую предлагает Энн Снитоу.

Готовя выступление на региональном семинаре ООН в апреле 1991 года, посвященном проблемам

развития национальных механизмов повышения социального статуса женщины в Европе, я обратила внимание на схожесть многих процессов в бывших соцстранах. Это и резкое падение количества женщин в парламентах после отмены квоты, феминизация появившейся безработицы, наступление на репродуктивные права женщин, усиленная пропаганда традиционных семейных ценностей и т.п. Именно данные общие черты дали мне основание охарактеризовать переживаемый в бывших соцстранах период как "постсоциалистический патриархатный ренессанс". Кстати, несмотря на очевидную условность это определение пользуется большой популярностью у журналистов в России. Условность же концепции состоит в том, что она как бы предполагает наличие при социализме "эгалитарного гендерного расцвета". Нет, конечно, об этом говорить не приходится. Но годы "перестройки" и "демократизации" удивительным образом сблизили "западную" и "восточную" феминистскую точки зрения на социализм: мы стали замечать и его позитивные черты, во всяком случае в решении женского вопроса.

Если основной пафос статьи 1989 года "Как мы решаем женский вопрос?" - состоял в феминистской критике теории и практики социалистического гендерной эмансипации, то концепция "постсоциалистического патриархатного ренессанса" - критика реалий переустройства России с точки зрения теории и практики перестройки и постперестройки.

Итак, один из важных для меня выводов состоит в следующем: диалог труден не внутри феминизма, и он не проходит по линии "Восток-Запад".

Главная ценность статьи Энн Снитоу, на мой взгляд, состоит в том, что она предлагает довольно детальный анализ причин наступления патриархатного ренессанса, а также того, почему наступление происходит ПОЧТИ незаметно и даже

как бы с молчаливого согласия большинства женщин и мужчин этих стран.

Важнейший вопрос, который остается открытым, состоит, видимо, в следующем: какими могут быть стратегии преодоления анти-феминизма как определяющей характеристики наших стран и что мы могли бы позаимствовать из опыта западных подруг? Что удалось и не удалось независимому женскому движению России за последние годы? Рассуждения на эту тему будет посвящена следующая статья.

"Do you think it's possible to be voluptuous in comfortable shoes?"

- Как ты думаешь, можно выглядеть сексуально в обуви для туристов?..

Copyright © Anne Gibbons.

ОДНА ИЗ ТЕХ, КТО ЖИВЕТ ПО ВЕЛЕНИЮ СОВЕСТИ.*

Интервью Дафне Уайт с Энн Ферс Мэррей, создательницей Глобального женского фонда. У нее и ее организации общие устремления. Жизнь Энн — свидетельство того, чего люди могут достичь, если будут слышать голоса друг друга.

Энн Ферс Мэррей живет по велению совести. Ветеран Фонда мира ООН, она создала Глобальный женский фонд, побуждаемая просто чувством справедливости.

Женщины — самый бедный слой населения любой страны. Они производят больше половины всех продовольственных продуктов, а в собственности у них всего 1% земли. В бедных странах женщины оказывают домашним медицинскую помощь в больших размерах, чем все профессиональные врачи вместе взятые, а сами болеют гораздо чаще других членов семьи. Женщины составляют 51% населения земного шара, но на финансирование женских программ из ассигнований на развитие идут жалкие крохи.

Как же возник Глобальный фонд? Идея его создания зародилась в обеденный перерыв на собрании Совета фондов в 1987 году. И спустя полтора года благодаря энергичным действиям Энн Глобальный фонд появился на свет. Активный работник некоммерческого бизнеса, Энн Мэррей сумела воплотить в жизнь свой замысел, собрав в общей сложности три миллиона долларов и оказав помощь более чем 400 женским группам в 94 странах.

Гранты получили группа женщин в Нигерии, борющаяся за искоренение обычая ранних браков (в Нигерии выдают замуж девочек 12-14 лет); группа польских женщин, выступающая за включение в социальную повестку дня борьбу за права женщин в условиях быстро меняющейся политической ситуации; группа из Южной Кореи, которая организовала первый в стране центр в помощь жертвам сексуального насилия.

Создав за годы работы активно действующую сеть сподвижников, Мэррей с их помощью организовала Совет директоров фонда, в который входят всемирно известные общественные деятели. При фонде имеется

также Консультативный совет, состоящий из 76 представителей из почти сорока стран. Глобальный фонд, штат которого насчитывает всего девять женщин, финансируется на 80% различными фондами (главным образом, Фондом МакАртуров и Фондом Форда). Остальные 20% поступают от частных лиц.

Вопрос: Какие причины побудили Вас создать отдельный женский фонд?

Ответ: Я верю, что чем больше людей смогут осуществлять свои планы и программы, тем скорее будут решены все важнейшие проблемы, стоящие перед миром. Собственно говоря, это — единственный путь решения проблем. Неразумно сидеть в Нью-Йорке или Лондоне и составлять программы действий для женщин, живущих за тридевять земель. Женщины должны сознавать, что их судьба зависит от них самих. Наша помощь заключается в том, что мы предоставляем небольшую сумму (от пяти до десяти тысяч долларов) женской группе. Мы не определяем заранее очередность предоставления гранта, как другие фонды. Мы просто спрашиваем женщин, в чем они нуждаются.

В: Каким же группам вы даете деньги?

О: Мы помогаем женщинам, которые только что объединились для претворения в жизнь какой-то программы. Дело в том, что в

самом начале группе практически неоткуда получить материальную помощь. Мы также даем грант тем группам, которые переходят к новому этапу деятельности. В общем, мы стараемся поддерживать группы в стратегически важные для них периоды существования. Добившись же определенных успехов, группа может обратиться за помощью в какой-то другой фонд.

В: Не могли бы Вы рассказать о каких-нибудь конкретных группах, которым вы оказали помощь?

О: Вот, например, женская группа из Южной Африки "Единый голос" (speak collective). Группа действует уже давно. Женщины объеди-

лись еще когда межрасовое сотрудничество было запрещено. Они публикуют просветительную литературу, знакомящую с основными человеческими правами. Мы дали им шесть тысяч долларов на приобретение компьютера, чтобы группа могла обойтись без издательства. Сейчас они регулярно издают журнал, который продается в киосках и доступен тысячам людей.

Работа многих групп строится на интернациональной основе. Мы помогаем группе палестинских и израильских женщин, которые уже много лет совместно борются против насилия в отношении женщин, находясь в постоянном контакте с арабской и израильской общественностью. В бывшей Югославии финансировали группу, состоящую из мусульманских и сербских женщин. Они также выступают против насилия.

В: Не можете ли Вы рассказать о какой-нибудь недавно возникшей группе, которая с вашей помощью достигла осязаемых результатов?

О: Мы дали 10 тысяч долларов трем женщинам-китайкам, которые решили создать в Пекине первую китайскую "горячую линию" для женщин. Эта линия стала пользоваться таким успехом, что Фонд Форда недавно выделил ей 72 тысячи долларов для подготовки новых сотрудников и издания шести книг для женщин с ответами на наиболее часто задаваемые вопросы. До недавнего времени в Китае не было принято обсуждать семейные проблемы на стороне. А уж о сексе, замужестве, разводе вообще не с кем было поговорить. Просто невероятно, что китайская женщина может теперь обсудить по телефону свои сугубо личные проблемы, да еще с неизвестным собеседником.

Или вот группа "Канлунган", ее организовали филиппинки, обеспокоенные судьбой тысяч молодых женщин, которые уезжают на заработки в заморские страны. Их набирают на работу служанками в частные дома или официантками в кафе или рестораны, а они понятия не имеют о неотъемлемых человеческих правах, даже о том, что имеют право на защиту от сексуальных посягательств.

Группа "Канлунган" снабжает отъезжающих женщин просветительной литературой и дает юридические консультации попавшим в тяжелую жизненную ситуацию. Первый грант группа получила от нас. А через год правительство Германии передало им 30 тысяч долларов для дальнейшей работы.

В: Не могли бы Вы рассказать о женщинах, чью мужественная деятельность Вам особенно запомнилась?

О: Конечно, могла бы. Петрона Сандовал, например, одна из сотен никарагуанских женщин, ставших инвалидами в результате применения спинномозговой (epidural) анестезии во время кесарева сечения, которая давно не применяется в других странах. Эта операция стоила жизни нескольким женщинам, а у сотен были парализованы нижние конечности (paraplegic).

Несмотря на то, что эта анестезия применялась в государственных медицинских учреждениях (в Никарагуа государственная система

здравоохранения), правительственные чиновники отказались принять пострадавших женщин и взять на себя ответственность за их инвалидность. Мы дали грант Петроне для участия в международной конференции ООН в защиту прав человека, проходившей в Вене в прошлом году.

Результат ее поездки — резко возросший интерес к судьбе женщин-инвалидов не только в Никарагуа, но и в других странах мира. Петрона обладает сильной харизмой и удивительным умением владеть ситуацией. Мексиканцы пригласили ее возглавить группу, отстаивающую права инвалидов. Но самое главное, эта поездка в Вену и вызванный ею резонанс заставили правительство Никарагуа публично взять на себя ответственность за судьбу жертв спинномозговой анестезии и обещать им медицинскую помощь. Они, возможно, получат денежную компенсацию.

Еще один пример. На юге Индии в одной деревне живет женщина, которую все называют просто Вассанта. Она помогает женщинам, бедным из бедных, учит их грамоте, осуществляет разные социальные программы. Вместе с другими активистками она участвует в кампании против предания женщин ритуальной смерти. Они устраивают демонстрации перед домами, в которых имели место случаи такой смерти. Надо сказать, что в Индии это по-настоящему мужественный акт.

Чем больше людей смогут осуществлять свои планы и программы, тем скорее будут решены все важнейшие проблемы, стоящие перед миром.

*- Подъем. Новые пути. Дерзания...
Боже, как мне все это надоело!..*

Copyright © Anne Gibbons. Перепечатано с разрешения.

В: Вы считаете, что грант в 5-10 тысяч долларов действительно может оказать помощь?

О: Не сомневаюсь. У многих групп, которые мы финансируем, весь бюджет равен 15-20 тысячам долларов, так что наши пять тысяч составляют немалую часть их бюджета. А если это первые деньги, то они зачастую представляют весь капитал. К тому же большинство женщин работает на добровольных началах.

Как ни смешно, Глобальный женский фонд тоже начал с пяти тысяч долларов, которые мы получили от Фонда Паккарда в самый важный для нас момент. У нас были идея, программа, но не было средств для их осуществления.

Мы занимаемся не благотворительностью, а финансируем тех женщин, которые стремятся изменить к лучшему жизнь своих стран.

Наш фонд говорит женским группам: "Мы верим в вас". Психологическая поддержка более важна, чем деньги: женщины чувствуют, что не стоят на месте, и что в трудную минуту им есть куда обратиться за помощью.

В: Испытывает ли ваш фонд какие-нибудь трудности?

О: Наша главная проблема - сбор средств. Трудно собирать деньги даже для оказания помощи женщинам своей страны. В 1990 году только 4% всех денег, поступивших от фондов и корпораций, были направлены на осуществление программ, решающих чисто женские проблемы. Так что в самом начале нашего существования кое-кто говорил, что мне никогда не собрать деньги на нужды зарубежных женских групп. Слушать их было тягостно, и я старалась избегать встреч с этими людьми, чтобы не растерять оптимизм.

Собирать деньги нелегко, но нам чаще и чаще встречаются добровольцы, готовые сделать для нас все. Они понимают, что мы занимаемся не благотворительностью, а финансируем тех женщин, которые стремятся изменить к лучшему жизнь своих стран.

Надо отметить, что фонды и частные лица оказались более щедрыми, чем корпорации. Корпорации финансируют программы борьбы с нищетой и помощи детям. Они, к сожалению, не видят связи между положением женщин и судьбой их детей.

Есть еще одна проблема, вызывающая озабоченность. Как сохранить нам неформальный, уважительный стиль общения, если деятельность фонда начнет расширяться. Сейчас все стороны, вовлеченные в работу фонда - сотрудники, совет директоров, получатели грантов, жертвователи - абсолютно равноправны. Мы стараемся, чтобы каждый чувствовал, что его мнение находит понимание и уважение, а не просто выслушивается. Ну, а если мы станем крупной организацией, сумеем ли мы сохранить нашу искреннюю, дружелюбную атмосферу? Честно скажу - не знаю.

В: У Вас еще свежо в памяти, с чего все началось?

О: В 1987 году я получила премию Американской ассоциации здравоохранения за работу в области

демографии и народонаселения. на собрании, где мне вручали награду, я выступила с небольшой речью. Я сказала, что голос женщины должен быть наконец-то услышан в мире, что обновление мира невозможно, если не будет признано и оценено по достоинству все, что женщинами сделано и делается на земле.

Когда я кончила свою речь, к моему удивлению люди встали и начали аплодировать. Я говорила от всего сердца и по-видимому, задела какую-то важную струну, облекла в слова то, что было на уме у всех.

На меня очень большое влияние оказала книга Эдуарда Уитмонта "Возвращение богини". Вот как он пишет о нашем времени: "Низкий уровень культуры завел нас в тупик **научного материализма,**

разрушительных технологий, религиозного негативизма и духовного оскудения". В периоды, когда дело обстоит так плохо, люди начинают искать новые ценности. Сейчас это те ценности, которые называют "феминистическими" (feminine): бережение Земли, уважение природных циклов, озабоченность судьбой грядущих поколений.

Я пришла к решению создать Глобальный женский фонд еще и потому, что вижу, как сегодня живут женщины. Нельзя сказать, что они чем-то существенно отличаются от мужчин: у них просто другой жизненный опыт. Меня особенно поражает способность женщин многих стран тащить на себе непосильный воз и оставаться добрыми и щедрыми. Это потрясает.

В: Вы считаете, что женщины и мужчины готовы объединиться вокруг "феминистических" ценностей?

О: Мы живем в переломную эпоху. По-моему, люди готовы к серьезным переменам. Несколько лет назад перед человечеством встал вопрос, продолжать ли идти путем, ведущим в пропасть, следуя лозунгу "У кого сила, у того и право". Возьмите Гренаду или Ирак. Возникает кризис, а разрешается он с помощью бомб.

Сейчас во всем мире совершаются чудовищные злодеяния. Мне кажется, что в недалеком будущем мы будем свидетелями еще больших насилий, подобных тем, которые сотрясают наши города, Югославию, Бурунди, Сомали, Гаити.

Но в конце концов люди поймут - чтобы род человеческий выжил, надо терпимее относиться друг к другу. Быть добрее на уровне каждодневного общения. Тогда и только тогда мир изменится к лучшему.

Дафне Уайт, писательница, живет в Кенсингтоне, штат Мериленд.

Адрес Глобального женского фонда: The Global Fund for Women, 2480 Sand Hill Road, suite 100, Menlo Park, CA 94025-6941, USA

Reprint permission "Hemisphere", the inflight magazine of United Airlines, Pace Communications, Inc., Greensboro, NC.

Коротко о недавно прошедших конференциях:

РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ В КУЛЬТУРЕ - ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В КУЛЬТУРЕ

23 мая, в понедельник, в конференц-зале Внешнеполитической Ассоциации в Москве начала работу международная конференция "Роль женщины в культуре - образ женщины в культуре". Организаторами встречи, в которой приняло участие около ста пятидесяти человек, явились немецкий Культурный центр имени Гете, Внешнеполитическая Ассоциация и Фонд "Лаборатория" (группа молодых арт-критиков и кураторов).

В первый день основные доклады прочли: руководитель Отдела искусства Управления по культуре Сената города Берлина Ингрид Вагнер-Кантувер ("Берлинские художники - несколько имен"), преподаватель Университета имени Гумбольдта Ада Раев ("Размышления о книжном искусстве русского авангарда"), критик Ольга Козлова ("Ну и Нуе в искусстве XX века"), критик Александра Корнева ("Чулки на резинках"), директор Женского центра ВПА Ирина Юрна ("Стереотипы и реальность, или почему в российской культуре неприлично называться женщиной"), художник Анна Альчук ("Женская традиция семьи Хлебниковых"), в заключение берлинский композитор Инге Моргенрот представила музыкальную инсталляцию "Я не вижу ничего... кроме картин".

Во второй день выступили профессор Питтсбургского университета Елена Гошило ("Новая русская проза как культурный феномен"), критик Надежда Ажгихина ("Дискуссия о женской прозе в российских массмедиа"), Валли Экспорт, профессор Высшей школы искусств Берлина, показала фильм "Синтагма", фотохудожница из Нью-Йорка Дайана Ньюмайер выступила со слайд-программой, а критик Ирина Базилева прочитала доклад "Тайное и явное в партнерстве". Бурные дискуссии разгорелись в связи с докладами И.Юрны, изложившей основные тезисы антифеминистической пропаганды в критических дискуссиях и

социальной практике, и обсуждением проблем женского искусства, - в споре принимала участие практически вся аудитория.

"Практически впервые в Москве разговор о женском творчестве приобрел всеобщий и в то же время высокопрофессиональный характер, заставив скептиков убедиться в том, что проблема существует" (Радио "Маяк").

"Во всяком случае с феминизмом сегодня приходится считаться" (газета "Сегодня", Л.Лунина, отчет о конференции).

Выступления И.Юрны по радио "Эхо Москвы" и Н.Ажгихиной - радио "Свобода" - интервью в ходе конференции - дали новый толчок обсуждению темы в массовой аудитории.

Говорят участники и гости конференции:

Е.Гошило, Питтсбургский университет.

Хочу сказать, что организация конференции меня поразила: когда мы, участники, пришли в конференц-зал Внешнеполитической Ассоциации, все уже было готово, на столах у всех лежали материалы, была программа, которая выполнялась, и все придерживались регламента. Удивило и то, что синхронный перевод работал бесперебойно и был на очень высоком уровне. Обращаю на это внимание потому, что не первый раз приезжаю на конференции в Москву и знаю, что почти всегда организация здесь неудовлетворительная.

Ирина Базилева, арт-критик (слева), Александра Корнева, арт-критик: "С феминизмом нужно разобраться".

- Ты только взгляни на эти бедра!!!
- Ах, я произвожу отвратительное впечатление!!
- Сдается мне, ваша самооценка исходит из ошибочных предпосылок.

Copyright © Anne Gibbons. Перепечатано с разрешения.

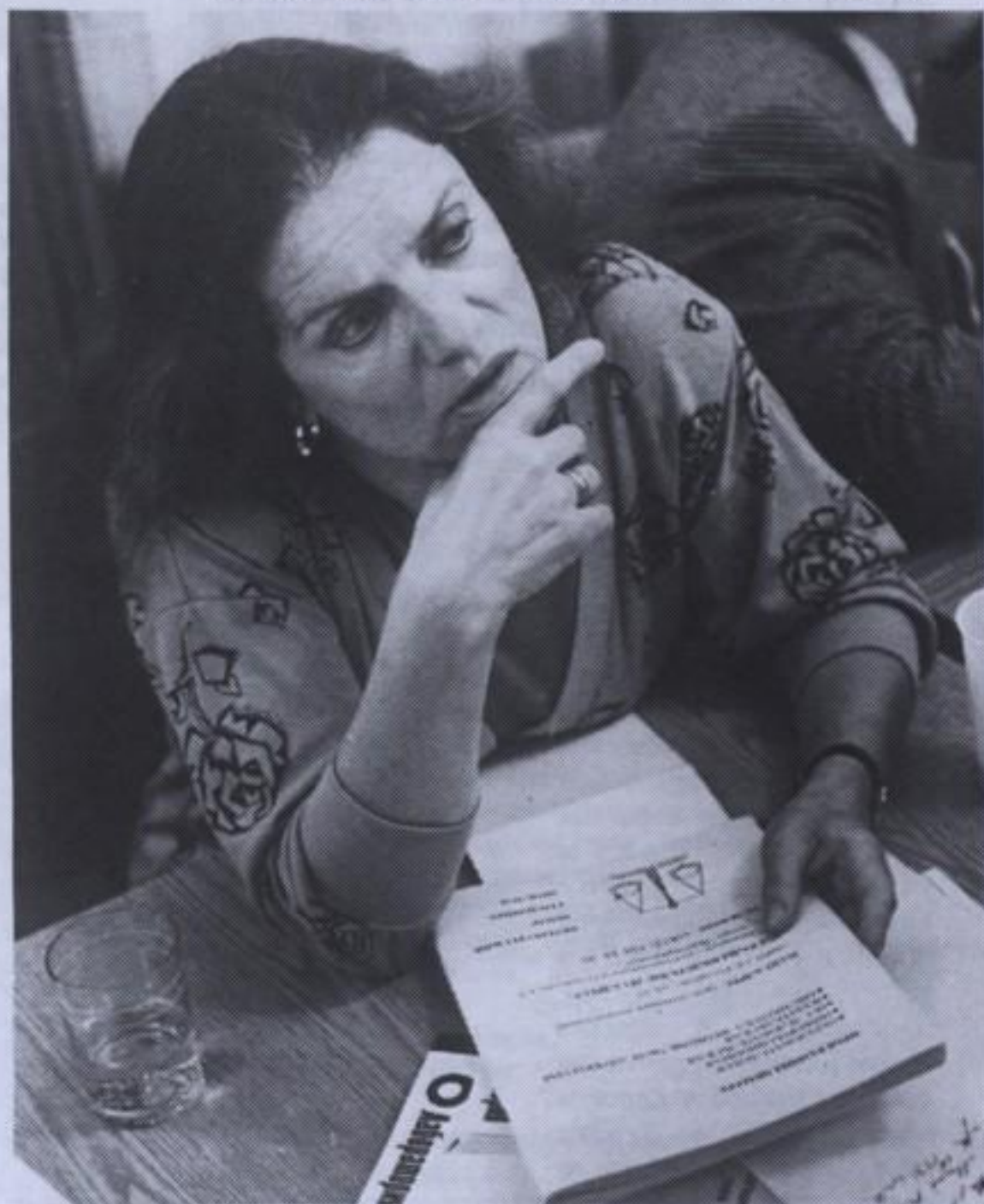
Что мне понравилось - конечно, то, что в разговоре участвовали немцы, американцы, москвичи. Все друг друга слушали - это тоже бывает в России не всегда, здесь часто люди предпочитают слушать самих себя. На этот раз в основном слушали (не хочу сказать, все время, но в основном), и несмотря на то, что мнения были очень разные, подчас противоположные - старались не перебивать друг друга, и поэтому разговор был более интересный.

Второе - хорошо, что сообщения были разножанровые. Некоторые звучали довольно сухо, хотя и информативно, и хорошо, что они прозвучали вначале, а под конец каждого заседания формы менялись, и были продемонстрированы прекрасные работы, как слайд-показ Дайаны Ньюмайер из Музея Метрополитэн, или программа Ирины Базилевой, хотя мне трудно

согласиться с ее концепцией по существу. Хорош был и фильм немецкой коллеги. Другими словами, собрались люди, работающие в разных областях и жанрах, что очень важно.

К сожалению, я не присутствовала в тот момент, когда разгорелась дискуссия после программного доклада Ирины Юрны о феминизме - женщины-искусствоведы из России яростно его оспаривали, об этом даже говорили по московскому радио. Думаю, это естественно - точки зрения на проблему в России у всех разные, правильно обсуждать тему в самых разных аудиториях. Насколько я знаю, дискуссия повлияла и на скептически настроенных женщин - они начали интересоваться теорией и практикой феминизма, об этом я тоже слышала. Значит, спорили не зря.

Понравилось мне также и то, что в работе принимали участие как женщины, так и мужчины - для России, по-моему, это имеет особое значение. А также то, что я встречала тут студенток 22-23 лет

Елена Гошило, зав.кафедрой славистики Питтсбургского университета (США): "Не может быть, чтобы все женщины в России так боялись своей независимости".

и женщин около 60-ти - то есть, разговор не разделял поколения, как это часто происходит как на Востоке, так и на Западе, а скорее объединял. Что не говорит о том, что проблема поиска общего языка не существует вовсе - я бы сказала, конференция как раз продемонстрировала необходимость поиска такого языка - и отрадно было видеть, как желание этого поиска приводило к тому, что участницы из Германии старались говорить по-русски, Наталья Петрова - по-английски и т.д. - люди старались, чтобы их как можно лучше понимали. В заключение не могу не сказать о женщинах из "Дамского клуба", замечательно устроивших вкусный и, я бы сказала, элегантный обед.

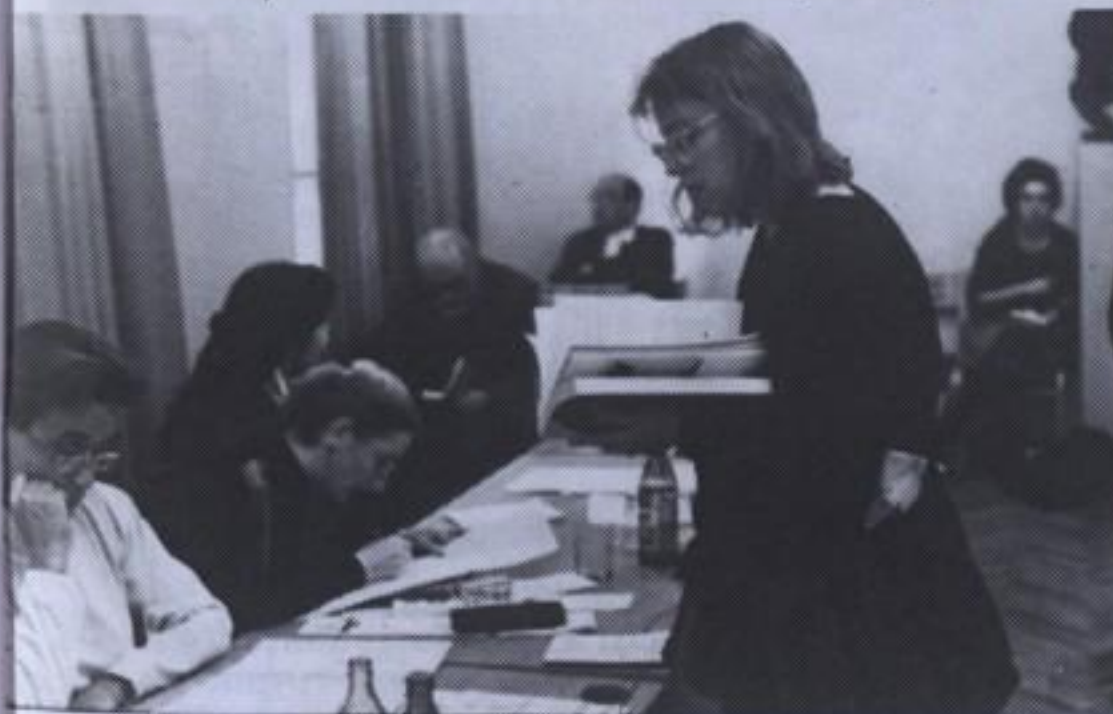
С.Свистунова, кинорежиссер-документалист, журналист, Москва.

Должна сказать, идеи феминизма меня никогда не привлекали. Мне казалось, что это - часть политической борьбы, которая никогда не была мне особенно близка, форма проявления собственных амбиций, желание продвинуться в обществе. Те женщины, которые в нашей стране говорили от лица соотечественниц, не вызывали никакого уважения. Те же, кто последнее время обращались к "женщинам России", казались мне неискренними. На конференцию я пришла даже с чувством некоторого предубеждения - только потому, что в ней принимали участие мои знакомые. И должна сказать, впечатление было совсем неожиданное. Я увидела нормальных людей, профессиональных и ярких, которые открыли некую новую грань в искусстве - то, что они называли гендерным аспектом. Иной раз, я думаю, они перегибали палку, как всякие увлеченные люди, стараясь обозначить "гендер" там, где его, быть может и нет. Но в целом разговор мне

Наталья Перова, главный редактор и издатель журнала "Глас" - новая русская литература: "Нет, не возражайте, женское искусство еще не вышло у нас в стране на столбовую дорогу".

очень понравился, я познакомилась с интересными людьми и надеюсь продолжить знакомство. Я теперь думаю над новой работой - и должна сказать, мысли о конференции заставляют и на сюжет смотреть новыми глазами...

Американская фотохудожница Фотографии Марка Штейнбока Дайана Ньюмайер (справа) с немецкими коллегами.

"ЖЕНСКИЙ МИР" В НАБЕРЕЖНЫХ ЧЕЛНАХ.

На сцене кино-концертного зала КамАЗа стояли прославленные героини российского киноэкрана - Ирина Чурикова, Татьяна Васильева, Клара Лучко, Валентина Малявина (Наталья Гундарева, Ирина Алферова и Елена Яковлева улетели раньше и не смогли присутствовать на заключительной церемонии), рядом с ними принимали поздравления молодые режиссеры Милиана Черкасова и Карина Фолиянц, актрисы-дебютантки Анна Яновская и Наталья Чернявская, руководитель кинопрокатной фирмы "Василиса" Анна Назарова и президент Ассоциации женщин-кинематографистов Рита Беляковская. В Набережных Челнах прощались с участниками фестиваля "Женский мир-94", инициатором и организатором которого стала Ассоциация женщин-кинематографистов. Фестиваль состоялся вскоре после очередного съезда кинематографистов, на котором с новой силой разгорелась традиционная дискуссия - о власти, о собственности и прочем - и стал своего рода аргументом в споре, свидетельствуя о том, что судьба российского кино и разборки руководителей (в подавляющем большинстве мужчин) - далеко не одно и то же.

"Круглый стол" в городской картинной галерее. Президент кинопрокатной фирмы "Василиса" Анна Назарова (в центре): "У каждого есть свой ответ на вопрос - трудно ли быть деловой женщиной".

Слева направо: Светлана Айвазова, Елена Стишова, Мария Котовская, Анна Назарова, Лидия Смирнова, Надежда Ажгихина.

Фестивальная программа, составленная с отменным вкусом и требовательностью (по оценке специалистов не уступающая самым престижным конкурсам последнего времени и даже превосходящая многие из них) - включала как фильмы, уже отмеченные зрителями ("Увидеть Париж и умереть", "Год собаки"), так и новинки. На тринадцати площадках гости встречались со зрителями, и во всех городских клубах и домах культуры показывали свое искусство челнинские танцоры, музыканты, художники. Получился настоящий праздник, в котором принимали участие сотни и сотни человек. Впрочем, это входило в планы устроителей.

- Мы проводим фестиваль "Женский мир" уже в третий раз, - говорит Рита Беляковская, президент Ассоциации женщин-кинематографистов, - всякий раз в провинции. Хочется, чтобы серьезное искусство жило не только в столице. И еще мы хотим, чтобы свет прожекторов, который традиционно в нашем кино направлен в сторону мужчин, высветил и женские лица.

В рамках фестиваля в городской картинной галерее состоялся "круглый стол", посвященный состоянию "женского вопроса" в искусстве и в жизни. В разговоре принимали участие представительницы "Ассоциации поддержки женских инициатив КамАЗа", "Женской темы" и других женских организаций города, а также москвички - кинокритик Елена Стишова, этнопсихолог Марина Котовская, политолог Светлана Айвазова, предпринимательница Анна Назарова, журналист Надежда Ажгихина.

- Такие встречи, - поделилась впечатлением руководитель "Женской темы" социолог Елена Кобзева, - очень важны, многим женщинам они открывают глаза на ситуацию в стране, да и на свой собственный опыт они начинают смотреть иначе.

Важно услышать взвешенное профессиональное мнение такого человека, как Светлана Айвазова. Хочется верить, наши контакты станут более регулярными.

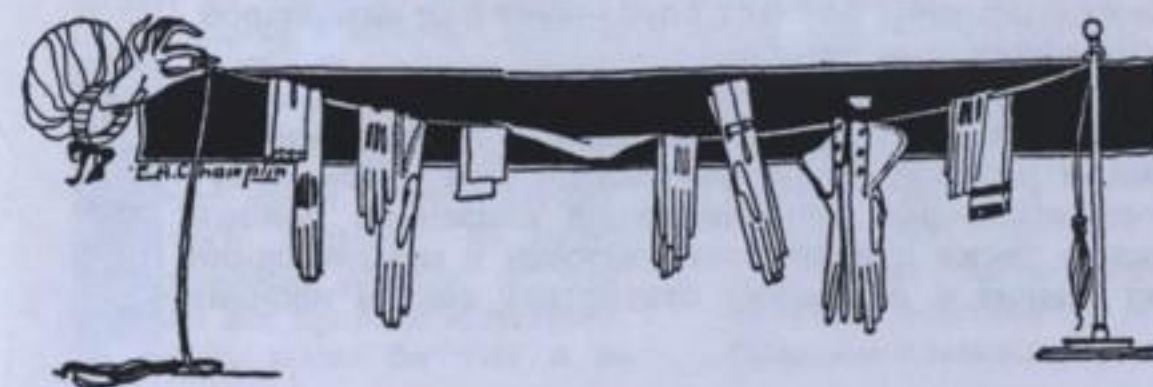
Как показал разговор, женщинам города есть о чем рассказать. Живется им в Набережных Челнах, как и во многих других индустриальных центрах России, нелегко. Но главное, вероятно, это вера в собственные силы и возникающий опыт женской солидарности, который россиянки пока только начинают осваивать и осознать. Фестиваль "Женский мир-94" - прекрасная возможность укрепления этой солидарности, убеждающая в том, что женщины разного возраста, социального опыта и профессиональной ориентации могут в России найти общий язык.

В дни работы фестиваля "Женский Мир-94". Рита Беляковская, президент Ассоциации женщин-кинематографистов (третья слева): "Мы приехали сюда, чтобы случился праздник".

Слева направо: актрисы Валентина Малявина и Елена Яковлева, Рита Беляковская, режиссер Милиана Черкасова, актриса Ирина Алферова, один из руководителей КамАЗа М.Ламм, актрисы Клара Лучко и Наталья Чернявская.

Фотографии Марка Штейнбока

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ: ВЗГЛЯД ЖЕНЩИН

Конференция под таким названием состоялась в Москве по инициативе Либерального женского фонда. Фонд (его вдохновитель и президент - известный политик, депутат Госдумы Ирина Хакамада) создан в начале 1994 года. Девиз фонда - помощь женщинам, составляющим основу "третьего (или среднего) класса", который зарождается в России ("мы рядом с теми, кто надеется в первую очередь на себя", - заявляет Декларация фонда).

Основная цель фонда - содействие развитию политической и социальной активности женщин, а также помощь в их адаптации к новым рыночным отношениям.

Конференция стала одновременно и презентацией фонда и базовых идей его создателей. К ним следует в первую очередь отнести проект закона о вознаграждении труда по воспитанию детей. И.Хакамада предлагает установить вознаграждение (независимо от того, кто является воспитателем - отец или мать) на уровне средней зарплаты на государственном предприятии. Человек, получающий дотацию, волен работать (и использовать деньги дотации, скажем, на наем гувернантки) или не работать. Таким образом, считает автор проекта,

"у женщины появятся человеческие условия для воспитания детей и появится больше свободы". Позиция президента фонда, изложенная на открытии конференции, не у всех вызвала однозначное одобрение, некоторые прозвучавшие вопросы остались без ответа (например, сможет ли государство в случае принятия такого закона выполнить взятые обязательства и содержать детей до совершеннолетия - известно, что практика "демографической политики" начала 80-х не оправдала ожиданий и поставила многолетних на грань полной нищеты). Тем не менее состоявшийся разговор, в котором принимали участие представители общественных организаций, журналисты, предприниматели и западные наблюдатели, был продуктивен - как еще один шаг в освоении "женской темы" на серьезном уровне, заставивший обратить на себя внимание общественности. Среди выступавших запомнились, кроме И.Хакамады, Елена Медведкова, председатель Комитета содействия женскому предпринимательству, Людмила Завадская, депутат Госдумы, Иосиф Дискин, зам.директора Института народонаселения РАН, писатели, критики, журналисты.

ВНИМАНИЕ!

Организация "Женская сеть Восток-Запад" (ЖСВЗ) получила двухгодичный грант от Международного Центра Обучения и целевые средства от Фонда Д. и К. МакАртуров для координации работ по трем проектам, которые проводятся совместно с Московским Центром гендерных исследований и Центром гендерных исследований и семьи.

Цель этих работ: 1) создание электронной коммуникационной сети "ЖСВЗ-On-Line" (СВЗ) для обеспечения связи между российскими женскими неправительственными организациями (ЖНО) и абонентами этой сети в Европе и Северной Америке; 2) подготовка второго ежегодного заседания Международного юридического комитета; 3) подготовка инструкторов для обучения женщин самообороне.

СВЗ позволит организовать активный обмен информацией между женскими организациями, совершенствовать технические и организационные навыки, координировать проведение различных исследований и мероприятий. СВЗ оснастит требуемой аппаратурой и проведет необходимое обучение не менее чем в десяти ЖНО и изыщет дополнительные средства для рассылки материалов по электронной почте российским абонентам сети.

Юридический комитет намерен провести свое ежегодное заседание в Санкт-Петербурге, где политические деятели и юристы, занимающиеся правами женщин, обмениваются информацией относительно тенденций в изменении законодательства, выскажут соображения по координации стратегии, усилению лоббирования в пользу женщин, обсудят вопросы распространения знаний, связанных с гендерными проблемами, рассмотрят вопрос создания женских коалиций. Комитет опубликует ряд материалов, касающихся политических и экономических прав женщин.

В рамках программы самообороны будет проведена серия из трех семинаров, целью которых является создание на местах постоянных курсов самообороны для женщин всех возрастов, физического состояния и расовой принадлежности. Эти курсы будут согласовывать свою работу с организациями, занимающимися оказанием помощи жертвам, пострадавшим от насилия, а также с исследовательскими и юридическими организациями, которые проводят анализ и исследуют статистику фактов насилия против женщин.

Благодаря щедрой поддержке Международного центра обучения и Фонда Д. и К. МакАртуров ЖСВЗ будет иметь возможность принять на работу координаторов на местах по программам СВЗ и самообороны. Московский центр гендерных исследований предоставил помещение для офиса ЖСВЗ, а Центр Гендерных исследований и семьи - спортивный зал для проведения занятий по самообороне.

Шана Ренн, исполнительный директор ЖСВЗ, заверила, что любая ЖНО из бывшего Советского Союза может обратиться в их московский офис (IREX) по вопросам приобретения модема, кабеля и получения необходимого инструктажа. Обращаться нужно к Биллу Фик или Ольге Галкиной: тел.: +7 095/290-58-78; email: <fick@glas.apc.org> или email: <irexog@glas.apc.org>.

Дополнительную информацию о проектах и членстве в СВЗ можно получить у наших координаторов:

по СВЗ:

Лена Кочкина, Московский центр гендерных исследований, ул.Федотовой 11/2, кв.11, Москва 121002, Россия, тел.: +7 095/124-6185, факс: +7 095/310-7056; email: <isepp@glas.apc.org>

или

Victoria Vrana, NEWW, 1621 Connecticut Ave., NW Suite 300, Washington, D.C. 20009, tel: (202) 265-4433, fax: (202) 667-3291, email: <neww@igc.apc.org>

по программе самообороны:

Ирина Акимускина, Московский центр гендерных исследований, ул.Миклухи-Маклая 6, Москва 117198, Россия, тел.: +7 095/433-2022; факс: +7 095/434-6451

или

Melissa Stone, NEWW, 1621 Connecticut Ave., NW Suite 300, Washington, D.C. 20009, tel: (202) 332-1145, fax: (202) 833-3705, email: <kri@igc.apc.org>

Это - не рассказ.

*Надо бы гордиться болью, всякая боль
есть память о нашем высоком назначении.
Новалис*

Не было дождя. Не было солнца. Зато был праздник - День Независимости России. Ура! Какие мы независимые! Что хотим, то и делаем! А, может, слишком много? Слишком много хотим и слишком много делаем?

Жила-была девочка. Жила своей жизнью. В 15 лет у нее уже были свои принципы и правила жизни. Вроде, не была наивной дурочкой. По крайней мере, ей так казалось. Привыкла доверять людям, верила в счастье и любовь, верила словам, верила в мир на земле, верила в Бога, инопланетян, верила, верила, верила... И вдруг что-то случилось. Ее могло больше не быть. Но она осталась жива. И не знает, зачем. И не понимает, как жить дальше. Ее жизнь разрушилась, растаял ее мир, умерли все правила и понятия. И жизнь вроде бы уже и не

жизнь. И сама она вроде бы уже не она. И люди вокруг... вроде бы уже и не люди?

Я во всем виновата сама. Почему-то эта мысль не покидает меня с того момента, когда все произошло. И еще одна мысль: почему я виню во всем себя? Да, меня опустили, меня унизили, меня изнасиловали. До этого я читала об изнасилованиях, разные там советы, рекомендации. Теперь мне все это просто смешно, хотя, скорее, это смех сквозь слезы (вспоминаю, в одной газете было написано что-то вроде: "Если вам все же не удалось, следуя нашим советам, уберечься от агрессии, постарайтесь расслабиться и получить удовольствие").

Сейчас мне просто больно. Стоит только закрыть глаза, и я начинаю вспоминать все, что было, как в замедленном фильме.

Он был старый, ему было 35 или 40, все происходило очень долго, часа два. А по телевизору в это время показывали праздничный концерт, выступала Лариса Долина. Я видела толпы людей, пришедших на праздник, они веселились, они ведь даже не предполагали, что в это время кому-то очень плохо. Теперь иногда я думаю о том, что сейчас, прямо сейчас, в эту минуту кого-то насилуют или убивают, а я не могу помочь. Это очень страшно. А за окном, в которое он грозил меня выкинуть, был серый мертвый асфальт. Боже, как он упивался властью надо мной, моим страхом и слезами. Как нравилось ему отдавать приказания. Я выполняла их, и, думаю, только благодаря этому осталась жива. А он, он был грязный, мерзкий.

старый... Мне удалось убежать. Но я не знала, куда мне идти. Я не могла тогда вернуться домой, но не было места, куда я могла пойти и просто поплакать, хотя бы на час. Тогда казалось, что для меня вообще нет места на земле, хотелось исчезнуть, провалиться. Но жизнь вокруг, оказывается, продолжалась. Все так же спешили куда-то потоки машин, все так же сидели у подъездов бабушки... Надо было жить.

Она живет, а значит, Бог дал шанс. Она готовится поступать на журфак университета, и ей есть уже, о чем написать. О своей беде и обществе, в котором мы живем. Именно теперь она осознала неравенство, с которым мы сталкиваемся каждый день.

Девушка не может выйти в короткой юбке, зайти в кафе одна, выйти поздно на улицу, ярко накраситься... Почему? А потому, что всем этим она может привлечь насильника, и, если ее изнасилуют, виновата будет она сама. Смешно? Но это действительно так, и многие мужчины именно так к этому относятся, ведь им-то все можно. А женщина должна знать свое место.

А как забавно теперь читать в "Хронике происшествий" разных газет: "На этой неделе изнасилований не было". Радует глаз, но все же, наверное, корректнее было бы написать "не зарегистрировано", а то получается, что ни с ней, ни с другими ничего не происходило!

Неужели нам так страшно открыть глаза на то, что происходит! Неужели ее, после прочтения этой статьи, многие окрестят, если не проституткой, то уж по крайней мере непорядочной только из-за того, что она решилась рассказать о случившемся, о том, что происходит со многими из нас и что остается в нашей памяти безобразным шрамом. шрамом, который неспособно стереть даже время? Молчать больше нельзя, молчать больше невозможно, ведь нас много, и мы должны что-то делать. Говорят, насилие порождает насилие? Нет, пусть лучше наши доброта и любовь породят мир и покой. Сделай шаг.

Ванда Мессинг

